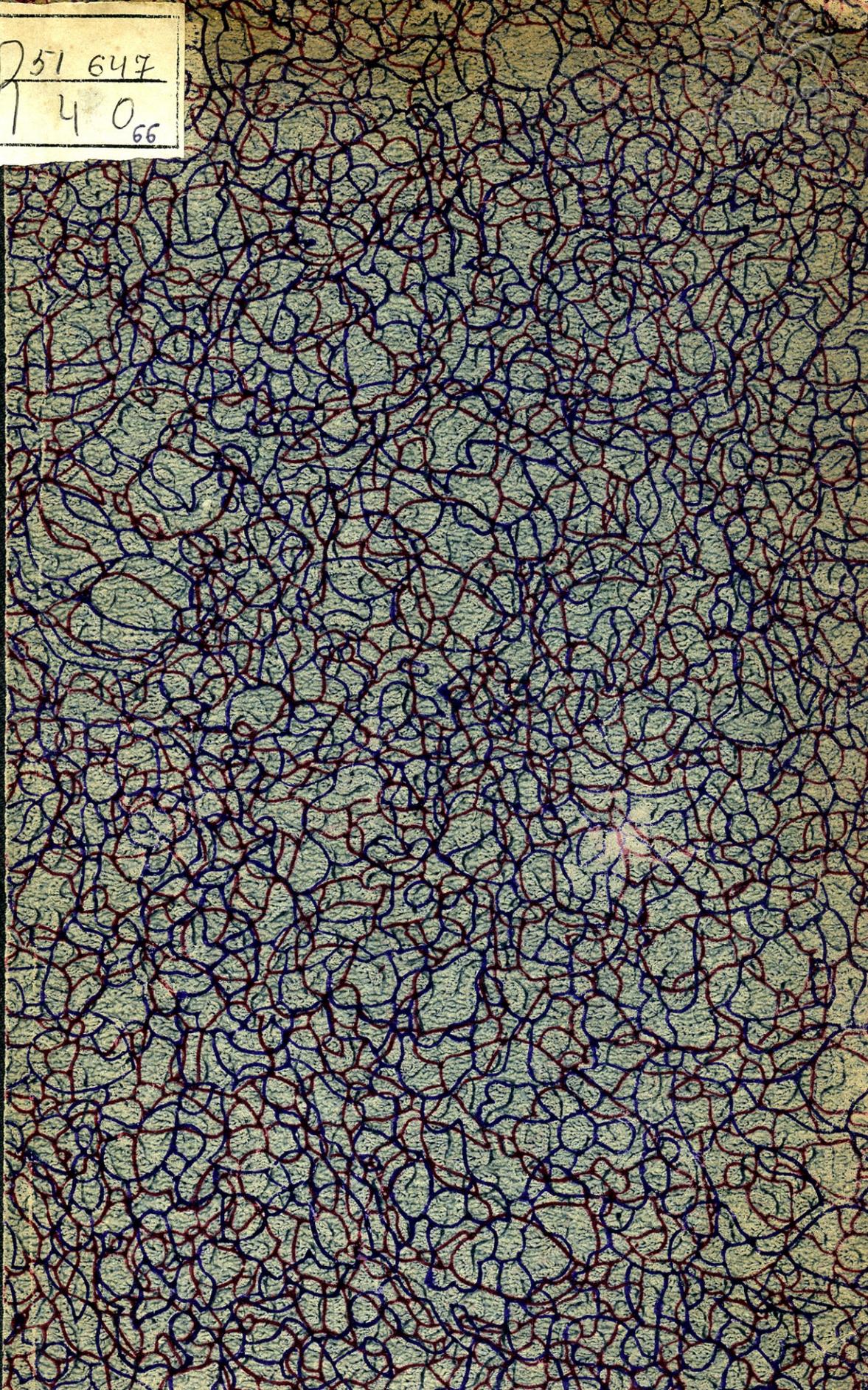

P 51 647

11 4 0

66

R 51.647
4066

АНИЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. I.

Буде.

ОПИСАНІЕ
ДВОРЦОВОЙ ЦЕРКВИ ВЪ АНИ.

СОСТАВИЛЪ

Н. МАРРЪ.

Съ 14 рисунками.

ИЗДАНИЕ АНИЙСКАГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

72(с 925)

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ
საქართველოს
მუზეუმის

АНИЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ. I.

ОПИСАНИЕ
ДВОРЦОВОЙ ЦЕРКВИ ВЪ АНИ.

СОСТАВИЛЪ

Н. МАРРЪ.

Съ 14 рисунками.

R 51.647
4 066

ИЗДАНИЕ АНИЙСКАГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

7 mm

ქართული
ენების ინსტიტუტი

Описание Дворцовой церкви в Ани.

Къ древнѣйшимъ анійскимъ памятникамъ, въ столицѣ Багратидской Арменіи рѣдчайшимъ по времени, относится церковь, нынѣ полуразрушенная, въ акрополѣ мертваго города. Это—пока единственная извѣстная здѣсь церковная постройка, связываемая съ тѣмъ временемъ, когда еще не было основано армянское царство въ области Ширакѣ и когда будущіе основатели его, князья Багратуни или Багратиды, не только не носили усвоеннаго ими иранскаго титула шахан-шах, т. е. царь царей, но не были вовсе хозяевами Ани. Правда, предстоитъ еще много работы прежде, чѣмъ удастся выяснить архаичную основу или размѣры пережитковъ указаннаго отдаленнаго времени въ наличномъ видѣ дошедшаго до насъ памятника, такъ какъ памятникъ перенесъ много превратностей судьбы, но при нынѣшней подготовительной разработкѣ исторіи армянскаго искусства трудно не прійти къ заключенію, что постройка въ основѣ относится, по всѣмъ видимостямъ, къ эпохѣ господства въ краѣ армянскихъ князей Камсаракановъ.

Съ дѣятельностью Камсаракановъ связана большая культурная работа въ армянской области, называемой Ширакѣ. Въ зодчествѣ Камсараканы оставили слѣды любви къ восточной базиликѣ сирійскаго типа въ двухъ монументальныхъ сооруженіяхъ, дошедшихъ до нашихъ дней, въ той же области. Это Ере-руйская базилика, въ веретѣ-другой отъ станціи Ани, въ курдскомъ селеніи Кизил-кулэ, Эриванской губерніи, и Текорскій храмъ въ селѣ, нынѣ называемомъ Дигоръ, Кареской области.

Анійскій акрополь, служившій первоначально крѣпостью, не могъ представить удобной площади для сооруженія обширнаго храма. Дворцовая церковь невелика, длиною внутри всего около 10 м. Внутри сводчатая, съ двумя поперечными полуциркульными выпускными арками, снаружи церковь имѣетъ двускатную кровлю. Она представляетъ упрощенный типъ базилики безъ боковыхъ нефовъ, но съ переживаніемъ ихъ колоннадъ въ четырехъ пилястрахъ съ тремя выпускными арками съ каждой стороны. Въ углахъ крайніе пилястры выведены лишь краями.

Одна любопытная подробность снаружи церкви также представляется переживанием существенных частей базилики того архаичного типа, который сохраненъ намъ въ Ереруйскомъ и Текорскомъ храмахъ. Въ Ереруѣ и Текоруѣ у базиликъ были въ портикахъ боковыя алтарныя абсиды, по сторонамъ центрального алтарнаго полукружія. Въ Анійской церкви портиковъ нѣтъ, однако въ ея боковыхъ стѣнахъ, именно съ боковъ единственнаго алтарнаго полукружія, снаружи сдѣланы были глубокія ниши. Въ южной стѣнѣ эта ниша представляетъ въ миниатюрѣ форму алтарной абсиды съ полукуполомъ (см. стр. 8 сл.); въ сѣверной стѣнѣ ниша прямоугольная, но съ сѣвера разработка фасада всегда бываетъ менѣе значительна и богата, что наблюдается и въ Ереруйской базиликѣ и Текорскомъ храмѣ; въ послѣднемъ съ сѣверной стороны портикъ былъ вовсе устраненъ, хотя съ юга онъ на лицо. Кромѣ того, въ Дворцовой церкви съ сѣверной стороны въ позднѣйшее время возникли пристройки, повлиявшія на затемнѣніе первоначальной архитектурной разработки занимающей насъ подробности, но и здѣсь сохранившаяся часть орнаментальной отдѣлки столь же архаична, какъ на южной сторонѣ. Съ обѣихъ сторонъ, въ оригинальныхъ нишахъ мы имѣемъ декоративныя абсиды, взамѣнъ исчезнувшихъ вмѣстѣ съ портиками алтарныхъ абсидъ Ереруйской и Текорской базиликъ.

Въ сѣверной стѣнѣ центральной алтарной абсиды, какъ разъ у задней стѣнки сѣверной сводчатой ниши, и внутри имѣется часть ниши со сводчатымъ верхомъ, также, быть можетъ, представляющей переживаніе одного изъ двухъ придѣловъ, наличныхъ въ Ереруйской базиликѣ, если не остатокъ окна ¹.

Древность зданія бросается въ глаза еще рѣзче въ матеріалѣ и въ конструктивной раздѣлкѣ частей, а также въ подборѣ и размѣщеніи декоративныхъ мотивовъ и въ самой работѣ.

Матеріаль.

Камень, по обыкновенію — туфъ, но особаго вида: этотъ видъ въ другихъ анійскихъ постройкахъ не встрѣчается. Впрочемъ, въ кладкѣ церкви встрѣчаемъ, главнымъ образомъ, два совершенно различныхъ сорта камня: одинъ — красноватый, какъ ереруйскій, другой — черный. Въ качествѣ древняго ремонтнаго матеріала использованы еще три вида камней: свѣтло-шоколаднаго цвѣта, преимущественно

¹ Внутренняя ниша въ сѣверной стѣнѣ алтарной абсиды на планѣ (ПАИ, I) показана съ размѣрами послѣдней отдѣлки, когда она была сужена до 0,30 м. Съ запада стѣнка этой ниши, изъ чернаго камня, сохранилась въ первоначальномъ видѣ и спускалась внизъ на 0,42 см.; настолько именно укорочена ниша снизу закладкой бутомъ; съ востока — новая стѣнка изъ цѣльнаго краснаго камня. Убравъ красный камень, мы расширяемъ нишу до первоначальнаго размѣра, вдвое болѣе противъ теперешней ширины, именно не менѣе, чѣмъ до 0,70 м., судя по сохранившейся части задней стѣнки: точно ширину нельзя указать за обваломъ этой стороны алтарной абсиды. Глубина ниши — 0,50 м., а затѣмъ за задней стѣнкой — бутъ и стѣнка наружной ниши; если первоначально этой наружной ниши не было, въ описанной внутренней нишѣ алтарной абсиды придется признать остатокъ окна.

во внутренней облицовкѣ и для рѣзбы, „ашотовскіе“¹ камни — въ отвѣтственных мѣстахъ, и виннаго цвѣта съ черными кусками, какъ бы сгустками, пемзы, почти исключительно, въ видѣ плитъ крупныхъ размѣровъ. Изъ чернаго камня выведена нижняя часть церкви, до половины высоты, а изъ красноватаго — верхнія части. Кладка — какъ въ Ереруйскомъ храмѣ, но камни, соотвѣтственно масштабу всего зданія, болѣе умѣренныхъ размѣровъ. Впрочемъ, они далеко не мелки, примѣрно длин. 0,70 м. при выс. 0,50 м., длин. 1,10 м. при выс. 0,73 м., другіе то крупнѣе, то мельче. Отесъ камней такой же, какъ въ Ереруѣ.

Пилястры болѣе плотны, чѣмъ въ Ереруѣ; ширина стержней 0,80 м., толщина 0,55 м., при высотѣ всего въ 2,45 м. Тогда какъ въ Ереруѣ четырехугольные стержни пилястровъ выведены въ восемь рядовъ кладки, по одному камню, здѣсь меньше рядовъ, обыкновенно четыре, рѣже пять, начиная съ мулурованной въ видѣ основанія плиты; черезъ каждый рядъ изъ двухъ камней — рядъ изъ одного цѣльнаго камня, напр., въ западномъ пилястрѣ сѣверной пары. Низкіе пилястры и камни характеризуютъ въ Ани такія древнія постройки, какъ церковь Богоматери Хамбушенцъ въ древней части города Ани² и загадочную постройку о четырехъ пилонахъ, впоследствии обращенную въ церковь³, и „изветшалую“ церковь изъ раскопокъ XII-й кампаніи, возобновленную въ 1151-мъ году священникомъ Саркавагомъ.

Пилястры — особаго устройства: по внѣшнимъ угламъ выведены полуколонны, по одной съ каждой стороны. Вдоль каждой изъ колоннъ на боковыхъ сторонахъ по полочкѣ, на лицевой сторонѣ — по парѣ такихъ же полочекъ, ломающихся внизу прямымъ угломъ и заходящихъ подъ округлую базу полуколоннъ. На лицевой сторонѣ между парами полочекъ по широкому (0,09 м.) желобку съ ложчатымъ верхомъ подъ вѣнчающею пилястръ каймой; ложчатые верхи этихъ желобковъ на южныхъ пилястрахъ угловаты, а на сѣверныхъ — закруглены. Такія же канелюры, по одной, идутъ на боковыхъ сторонахъ пилястровъ, вдоль полочекъ.

Форма капителей пилястровъ, какъ въ Ереруѣ — плинтусъ съ выемками съ трехъ сторонъ, но въ Дворцовой церкви, если судить по наличному ихъ виду, всѣ стороны гладки, безъ какой либо орнаментации.

Базы угловыхъ полуколоннъ на пилястрахъ — безъ всякой орнаментовки и безъ мулюръ; вверху полуколонны завершаются рѣзными фигурами, замѣняющими

¹ Т. е. камни породы, употребленной въ кладкѣ городскихъ стѣнъ царя Ашота и нижней части мечети Мануче.

² См. Отчетъ Имп. Археол. Ком. за 1893 г. стр. 33—35.

³ См. І. Орбелі. *Краткій путешественникъ по городищу Ани* (АС, IV), стр. 29.

капители. У восточнаго пилястра южной стѣны верхъ восточной полуколонны былъ украшенъ парюю бычьихъ головъ, сталкивавшихся мордами на закругленій (сохранились отъ каждой головы шея, ухо и рогъ). Верхъ западной полуколонны на томъ же пилястрѣ украшенъ опять таки изображеніемъ встрѣчныхъ фигуръ: въ данномъ случаѣ встрѣчаются грудью и высокоприподнятыми головами птицы, захватившія когтями за спину каждая по четвероногому животному; въ птицахъ можно бы признать орловъ, въ ихъ длинноногихъ однокопытныхъ жертвахъ козъ, если бы не ихъ длинные перегнутые назадъ на спину хвосты; на боковой сторонѣ схваченное животное—съ повернутой назадъ головой и съ занесенной впередъ лѣвой изъ заднихъ ногъ, на лицевой сторонѣ—оно откинуло назадъ правую изъ переднихъ ногъ, голова же, по всей видимости, была вытянута вверхъ и впередъ; хвосты жертвъ загнуты вверхъ къ спинѣ и уложены вдоль, параллельно къ ней, совершенно такъ же, какъ у рельефныхъ медвѣдей, отрытыхъ у главнаго входа въ корридоръ дворца¹. На пилястрѣ, находящемся западнѣе, восточная полуколонна выбита въ соответственной части; здѣсь также была высѣчена голова, судя по оставленнымъ на мѣстѣ частямъ, хищнаго звѣря; сбивавшій рельефъ остановилъ свой выборъ на половинѣ лицевой стороны, но всетаки оставилъ на мѣстѣ кончикъ лѣваго уха; на боковой сторонѣ сохранилось полностью правое ухо и часть головы²; Кестнеръ, повидимому, засталъ верхъ этотъ нетронутымъ, но онъ помѣщаетъ его рѣзбу, по недоразумѣнію, повторно тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ высѣчена бычья голова³. Нельзя довѣрять рисунку Кестнера и въ подробностяхъ, но одно имѣ, по всей видимости, передается точно, это то, что здѣсь имѣемъ дѣло не съ двумя встрѣчными головами, а съ двумя половинами головы льва или барса, сходявшимися носомъ и частью на самомъ углу. Это расположеніе одной головы наблюдается и на капители западной полуколонны того же пилястра; верхъ западной полуколонны этого пилястра завершаетъ человѣкъ, собственно широкое человѣческое лицо съ маленькими ушами и удлиненными миндалевидными глазами, подъ приподнятыми дугой бровями; носъ

¹ Архитектурно-эпиграфическое Отдѣленіе Анійскаго Музея древностей (07. № 14), Н. Марръ, *Ресуръ предметовъ древности изъ VI-й (1907 г.) археологической кампаніи въ Ани* (АС. 2), стр. 7, рис. 7. Такое же положеніе придано хвосту и на рельефѣ надъ заложеннымъ сѣвернымъ входомъ грузинской церкви сел. Валъ (Ахалцихскаго уѣзда), снимокъ котораго доставленъ мнѣ Г. Н. Чубиновымъ.

² Рельефъ битъ, по всей вѣроятности, преступными руками любителя древностей, и, быть можетъ, варварски добытый фрагментъ окажется въ какомъ либо европейскомъ музеѣ.

³ Brosset, *Les Ruines d'Ani*, St.-Pét., 1861, Atlas, pl. XIV; Алишанъ, *Циркъ*, Венеція, 1881, стр. 48. Не мѣшаетъ замѣтить мимоходомъ, что и Brosset, и Алишанъ россійскіе считали „заломъ въ замкѣ или во дворцѣ“.

отбить, но былъ невеликъ; въ раскрытомъ рту видны ряды зубовъ; двѣ половины лица сходятся почти подъ угломъ по линіи носа и рта.

Капители полуколонны на парѣ пилястровъ противоположной сѣверной стороны также орнаментованы рѣзбой, но безъ звѣриныхъ сюжетовъ. Восточная полуколонна восточнаго пилястра на лицевой сторонѣ имѣетъ розетку въ кругѣ: стилизованный четырехлиственный цвѣтокъ черезъ заключающій его четырехугольникъ переплетается узломъ съ обрамляющимъ кругомъ изъ двойной линіи ¹; на боковой сторонѣ также розетка: восьмилиственный цвѣтокъ съ остроконечными лепестками въ кругѣ; лепестки въ серединѣ перерѣзываются поперечными рельефами, и это придаетъ имъ видъ двухъ треугольниковъ, соединенныхъ основаніями. У того же пилястра лицевая сторона верха западной колонны украшена Соломоновою печатью въ кругѣ: въ центрѣ ея изуродованный цвѣточекъ, по всей видимости—восьмилепестковый. Въ серединѣ лицевой стороны того же пилястра равносторонній крестъ въ кругѣ: эта розетка помѣщена вверху канелюры. У западнаго пилястра сѣверной стѣны каждая изъ угловыхъ колоннъ съ обѣихъ сторонъ пилястра, и съ лицевой и съ боковой, украшена концентрическими рельефными кругами съ полушаріемъ въ центрѣ. Полушаріе украшаетъ и верхъ канелюры на лицевой сторонѣ самого пилястра.

Вверху пилястры окаймлены рѣзбой; на южной сторонѣ восточнаго пилястра полушарія въ кругѣ, у западнаго — розетки изъ четырехъ лепестковъ, причемъ каждый лепестокъ съ разрѣзомъ или выемкой, такъ что можетъ показаться, что розетка восьмилепестковая; на сѣверной сторонѣ церкви восточный и, насколько можно судить по сохранившейся части, западный пилястры окаймлены стилизованными листьями на росткахъ, обращенныхъ въ мертвыя линіи, совершенно такъ, какъ ростки гранатовыхъ плодовъ въ орнаментациі кровельныхъ плитъ церкви Апостоловъ изъ раскопокъ 1909-го года. Въ серединѣ коймъ нашихъ пилястровъ ростки образуютъ переплетъ.

Орнаментованы были внутри и углы церкви, принимавшіе на себя концы продольныхъ выпуклыхъ арокъ. На восточной сторонѣ углы, служившіе продолженіемъ арки алтарной абсиды, орнаментованы сложнѣе; по самымъ угламъ высокія полуколонны, поддерживающія арку, нынѣ полуциркульную, алтарной абсиды ²; база представляетъ собой три цилиндрическія ножки, каждая съ коническимъ верхомъ, капитель—сплюснутую подушку подъ плинтусомъ; стержень полуколонны юго-восточнаго угла—веревчатый, сѣверо-восточ-

¹ ПАИ, I, *Ами—Дворцовая церковь*, табл. XVIII, 2, XIX, 1.

² Арка восточной абсиды въ основѣ не полуциркульна: на меня она производитъ впечатлѣніе подковообразной, такъ какъ у пятъ она стесана, и мысленно можетъ быть продолжена съ загибомъ внутрь.

наго — съ параллельными рельефными зигзагами. Полуколонны обрамлены мулорами и рѣзными орнаментами. Каждую полуколонну съ трехъ сторонъ, съ боковыхъ и снизу, обрамляютъ четыре полочки: со стороны алтарной абсиды такая кайма сопровождаетъ полуколонну во всю ея высоту, со стороны храма лишь одна полочка, ближайшая къ полуколоннѣ, достигаетъ той же высоты, три остальные поднимаются менѣе, чѣмъ на половину, именно до основанія капителей угловыхъ пилястровъ боковыхъ стѣнъ церкви. Между третьей отъ полуколонны и четвертой полочкой широкая канелюра (0,11 м.) со всѣхъ трехъ сторонъ. На ней разбѣжены діагонально поставленныя ланцетки съ четырехугольными фигурами въ промежуткахъ. На алтарной сторонѣ сѣверо-восточнаго угла кайма съ такимъ рисункомъ имѣется лишь въ нижней части канелюры, а выше, съ новаго ряда кладки, въ томъ же желобкѣ кайма представляетъ стилизованную виноградную лозу (рис. 1) съ кистями и гроздьями¹.

На южной сторонѣ рамка, достигающая со стороны храма, основанія капители бокового пилястра, вѣнчана прямоугольникомъ съ кускомъ цѣпи изъ трехъ ромбиковъ (крайніе ромбики оборваны на половинкахъ); тутъ дана средняя часть рисунка соотвѣтственной каймы на сѣверныхъ пилястрахъ, именно, геометрически стилизованные ростки виноградной лозы съ листьями. Подъ этимъ орнаментированнымъ прямоугольникомъ, въ канелюрѣ съ ланцетками, у закругленнаго ея верха, помѣщенъ равносторонній крестъ на рельефномъ кругѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ канелюрѣ эти ланцетки не доходятъ до верха, до креста на рельефномъ кругѣ: желобокъ на 12 сантиметровъ оставленъ гладкимъ, и эта гладкая часть приходится на камень свѣтло-шоколаднаго цвѣта. На сѣверной сторонѣ, въ соотвѣтственной канелюрѣ ланцетки доходятъ до верха, гдѣ на рельефномъ кругѣ четырехлепестковая розетка, но тутъ камень весь черный; верхъ бокового пилястра подъ капителью здѣсь украшенъ тремя дугами изъ парныхъ валиковъ, находящими одна на другую, и эти дуги, по всей вѣроятности, представляютъ стилизованныя части винограда, именно лозу. У западнаго угла церкви отдѣлка южной стѣны совершенно выбита, но и у южной, и у сѣверной стѣнъ западные углы церкви были отдѣланы проще. Подъ капителью, и здѣсь имѣющей гладкія стороны, выработаны полупилястры, каждый съ однимъ восточнымъ угломъ: южный полупилястръ — съ сѣверо-восточнымъ, сѣверный пилястръ — съ юго-восточнымъ угломъ. По этимъ угламъ помѣщены полуколонны, поменьше, обрамленныя съ боковой стороны полочкой и узкимъ (0,05 м.) желобомъ. Вверху надъ полуколоннами и бѣгущими

¹ Всѣ эти мулоры и орнаменты, особенно виноградная лоза, покрыты остатками позднѣйшей штукатурки.

вдоль ихъ мулярами орнаментованныя коймы: у сѣвернаго угла на боковой сторонѣ каймой служить кусокъ цѣпи изъ трехъ ромбиковъ, какъ въ юго-

Рис. 1. Обрамленіе алтарной абсиды.

восточномъ углу, на лицевой сторонѣ — діагонально разставленные лепестки въ два ряда; все это опять таки стилизованное изображеніе ростковъ и листьевъ

виноградной лозы. Отъ отдѣлки южнаго угла сохранился именно камень съ каймою, откопанный въ 1906-мъ году: на обѣихъ сторонахъ кайма представляетъ пальмовыя листья, при этомъ на боковой сторонѣ листья изображены, какъ продолженіе полочки, точно передъ нами раздвѣтній жезль.

Южная и сѣ-
верная ниши.

Снаружи особенно тщательно орнаментирована южная ниша, представляющая собою по формѣ, какъ было сказано, полукруглую алтарную абсиду. Ветхозавѣтная сцена, внесенная въ орнаментацию капители у западнаго угла, можетъ служить указаніемъ на первоначальное литургическое назначеніе абсиды, въ Дворцовой церкви обращенной въ декоративную. Лицевая сторона полукупола сверху отдѣлана подковою: въ наличномъ состояніи сохранился одинъ западный конецъ съ соответственной подъ нимъ капителью и половиною карниза; подкова была выработана рельефно, украшена рѣзьбою, но рельефныя части надъ валиками полностью сбиты: безформенныя выпуклости оставлены лишь на концѣ подковы. Концы подковы, такъ по крайней мѣрѣ сохранившійся западный конецъ, — архаичнаго типа, удлинены чрезмѣрно, а нижняя ея кайма, желобъ съ полуваликомъ, просится на продолженіе въ видѣ пояса, огибавшаго всю церковь, какъ это наблюдаемъ на Текорскомъ храмѣ. Пята подковы были утверждены на капителяхъ пилястровъ; капители своей лицевой стороною замыкали съ боковъ бордюръ того же рисунка, служившій карнизомъ всей абсиды и огибавшій основаніе полукупола, совершенно по той же схемѣ, какая наблюдается въ центральной алтарной абсидѣ Ереванской базилики. Карнизъ съ капителями былъ украшенъ широкими пальметками въ два яруса; на единственно сохранившейся западной капители встрѣчаемъ ветхозавѣтную сцену — жертвоприношеніе Исаака по *Бытію*, 22, 9—13, гдѣ послѣдній стихъ въ армянскомъ, равно и въ грузинскомъ¹, переводѣ буквально гласитъ: „Поднял Авраамъ

¹ Въ версіи О грузинскаго перевода: „повисъ“ *გაშლია*. Это представляетъ собою чтеніе восточной традиции, въ интересующемъ насъ культурномъ мѣрѣ образующей линію сирийско-армянско-грузинскую. Въ сирийскомъ подлинникѣ, откуда шли первоначальныя версіи и армянская и, черезъ армянскую, грузинская, сейчасъ имѣемъ чтеніе: „баранъ былъ захваченъ вѣтвью за рога“, какъ и въ еврейскомъ текстѣ. Но въ IV-V вѣкѣ, къ каковой эпохѣ и восходила сирийская версія, служившая подлинникомъ первоначальнаго армянскаго перевода, она, очевидно, содержала чтеніе, поддерживаемое теперь лишь армянской и грузинской версіями. Это подтверждается еще во II вѣкѣ малоазійскимъ уроженцемъ Мелитономъ, епископомъ Сарды въ Лидіи (O t t o, *Corpus apologetarum christianorum*, т. IX, стр. 418): *Τὸ „κατεχόμενος“ τὸν κερᾶτον ὁ Σῦρος καὶ ὁ Ἑβραῖος „κρεμάμενος“ φῆσαν, ὡς σαφέστερον τοιοῦτον τὸν σταυρὸν* (отрывокъ о жертвоприношеніи Исаака происходитъ, предполагается, изъ засвидѣтельствовавшаго Евсевіемъ сочиненія Мелитона *Извлеченія Ἐκλογαί*, см. O. V a r d e n h e w e r, *Patrologie*², 1911, стр. 56). То же чтеніе въ V вѣкѣ было извѣстно и Василию изъ Селевкии въ Исавріи (слово VII): *Ὅρα τὸ πρόβατον ὡς ἐπὶ τοῦ σταυροῦ τοῦ φουτοῦ κρεμάμενον*. Рельефъ изъ Arles'a, также съ висящимъ бараномъ въ сценѣ жертвоприношенія E d m. L e B l a n t' у казался художественнымъ, для зрѣнія, переводомъ текста Василія Селевкійскаго (*Le Sarcophage chrétien de duc de Béarn, Revue Archéologique*, 1880, XL, стр. 131, здѣсь же рисунокъ). Но

капителяхъ, если она была, такъ же просто, какъ это сдѣлано ими на углахъ алтарной абсиды. У этихъ капителей самая ихъ форма неподходяща для вѣнчанія своеобразныхъ пилястръ. Онѣ отступаютъ чрезмѣрнымъ распоромъ верхней части

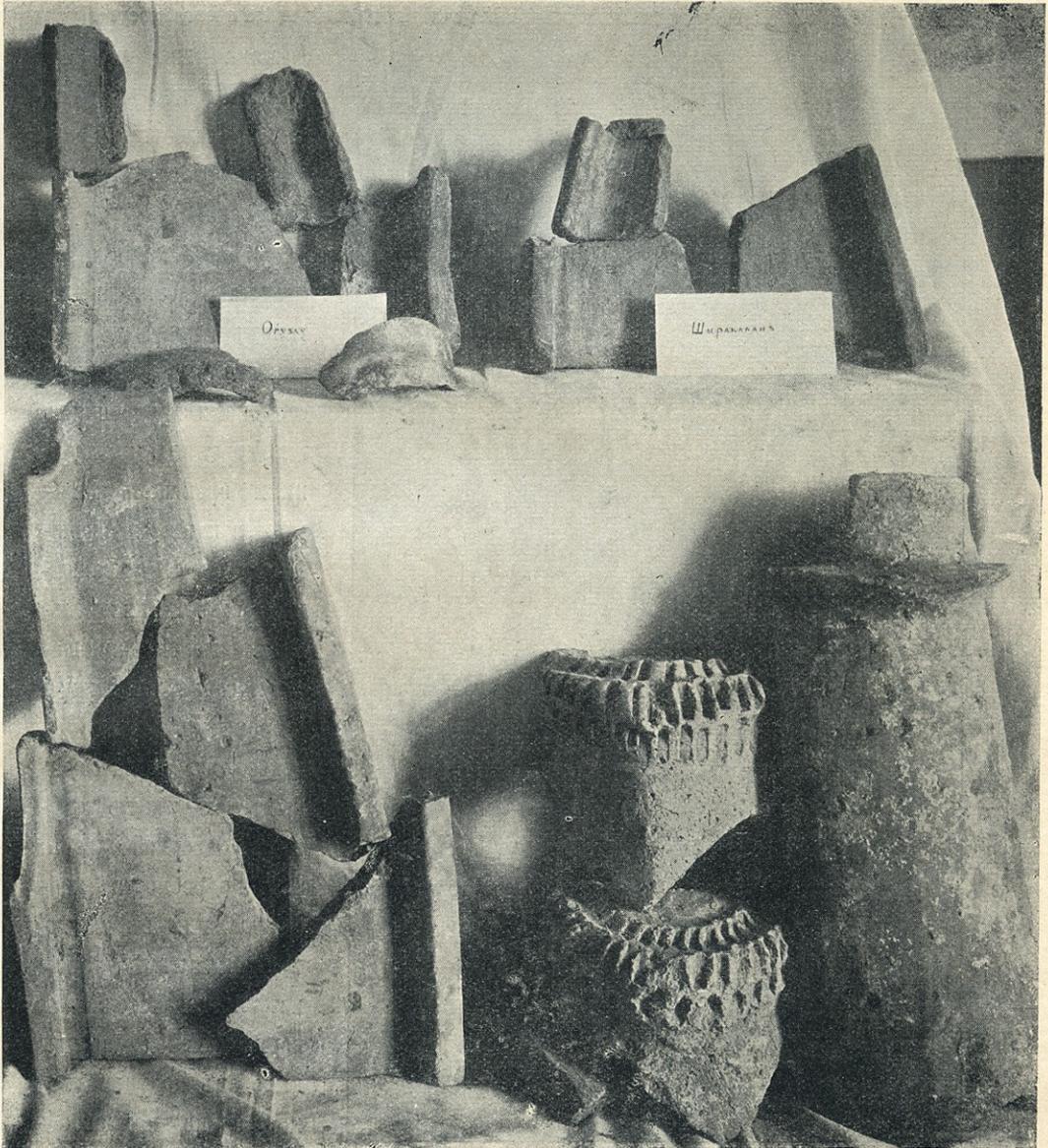

Рис. 9. Кровельныя черепицы Дворцовой церкви, Огузлу и Ширакавана.

не только отъ нормъ Ереруйской базилики и Текорскаго храма, но и отъ того, что можно наблюдать на капители декоративной абсиды въ южной стѣнѣ самой Дворцовой церкви. Конечно, тѣ же капители прекрасно приспособлены

формой къ опирающимся на нихъ аркамъ. Обѣ эти подробности съ остальными частями верхней части зданія объединяются еще и матеріаломъ: всѣ онѣ, начиная съ капителей, выведены изъ красноватаго туфа, тогда какъ ниже ка-

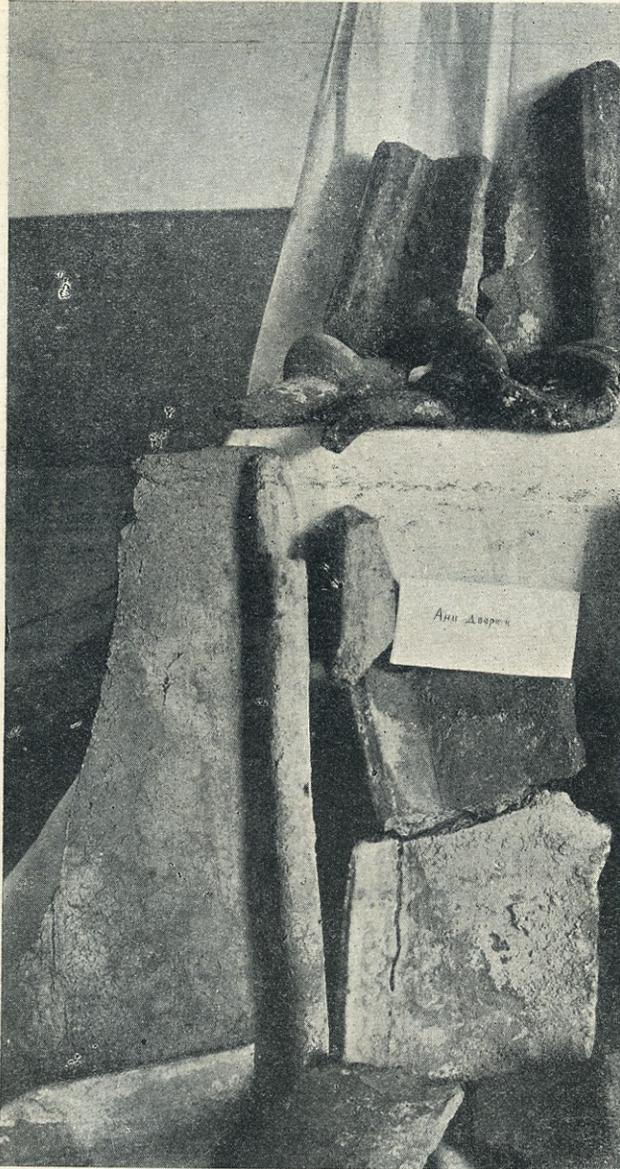

Рис. 10. Кровельныя черепицы Дворцовой церкви.

пителей лицевые камни, вообще постройка, сдѣлана изъ чернаго туфа. Церковь съ указанной высоты, безусловно, основательно перестроена.

Къ надстройкѣ слѣдуетъ отнести въ такомъ случаѣ не однѣ капители съ гладкими сторонами внутреннихъ пилястровъ. Однимъ съ ними временемъ датируются капители вѣншей абсиды, украшенная пальметками и рельефомъ жертвоприношенія Исаака, съ южной стороны, и плита съ рельефомъ двухъ конныхъ фигуръ въ тимпанѣ сѣверной двери: эти подробности полностью или въ значительной мѣрѣ также изъ красноватаго камня; верхъ южной абсиды выведенъ полуциркулярно, а не подковообразно, какъ бы слѣдовало ожидать въ хри-

стіанскомъ сооруженіи древнѣйшей поры въ Арменіи.

О времени
рельефа
всадниковъ.

Можетъ представиться затруднительнымъ и отнесеніе къ древнѣйшей порѣ двухъ конныхъ фигуръ, въ одной изъ которыхъ было желаніе признать

св. Георгія, поражающаго дракона. Для христіанской легенды въ Арменіи и Грузіи и отражающихъ ее мѣстныхъ произведеній искусства даты должны быть установлены самостоятельно, особенно когда дѣло касается съ одной стороны такихъ, можно сказать, націонализованныхъ святыхъ, какъ св. Георгій въ Грузіи и св. Саргисъ въ Арменіи, въ частности же, когда обсуждаются сказанія о зміяхъ и драконахъ, сосредоточивавшихъ на себѣ особенно чуткое вниманіе армянъ и грузинъ. Эти существа вызывали народное творчество армянъ и грузинъ въ христіанской легендѣ въ связи съ исконными у нихъ родными языческими переживаніями яфетическаго культа вишаповъ или вешаповъ; на вишаповъ, наравнѣ съ иранскими дивами, какъ на павшихъ боговъ, направлялась вся борьба побѣдоносныхъ христіанскихъ героевъ или ваһатаковъ, какъ назывались мученики въ Арменіи, на вишаповъ, первоначально мифическихъ рыбъ великановъ, переносились и позднѣйшія христіанскія представленія, способствовавшія ихъ перерожденію въ драконовъ и зміевъ. Произвольное навязываніе литературнымъ и художественнымъ нормамъ христіанской Арменіи и христіанской Грузіи извнѣ привнесенныхъ готовыхъ нормъ можетъ привести къ выводамъ, стоящимъ въ полномъ противорѣчій съ безспорными фактами. Академикъ Броссе въ двухъ всадникахъ призналъ христіанскихъ великомучениковъ: въ одномъ, поражающемъ дракона, — св. Георгія, въ другомъ — св. Димитрія; относя затѣмъ все изображенія св. Георгія на конѣ къ позднѣйшимъ временамъ, „съ вѣроятіемъ къ временамъ Крестовыхъ походовъ“, онъ поставилъ себя въ затрудненіе необходимою отнести нашъ памятникъ въ столь

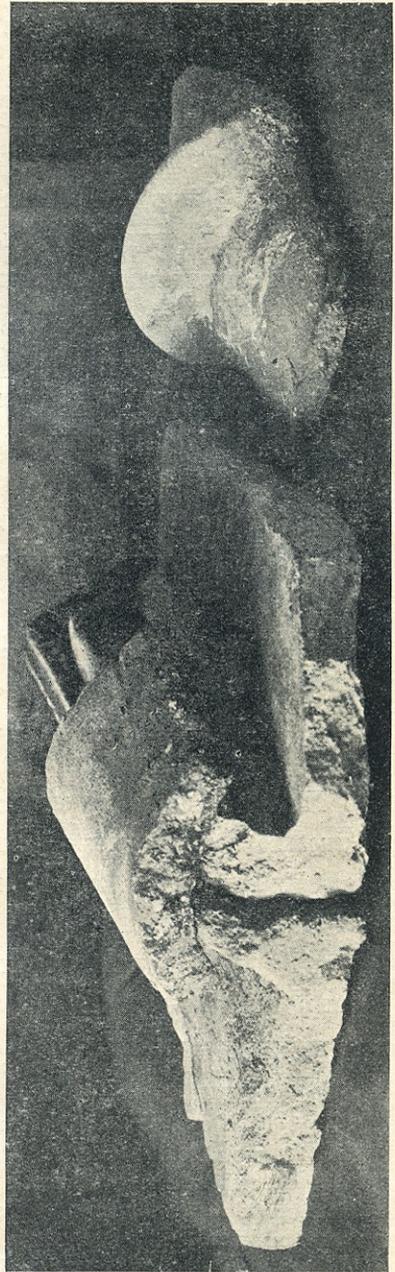

Рис. 11. Кровельныя черепицы Дворцовой церкви.

позднюю эпоху и вынужденъ былъ сдѣлать довольно неопредѣленный выводъ, не основанный ни на имъ же признававшихся общепринятыхъ въ его время историко-художественныхъ нормахъ, ни на мѣстныхъ особенностяхъ самого памятника или его сюжета. Выводъ гласилъ: „мнѣ кажется, что изображение (св. Георгія) должно было быть исполнено при Багратидахъ и не можетъ перейти за предѣлы, предшествовавшій мусульманскому владычеству (въ Ани), т. е. 1072-й годъ“. На армянской церкви X-го вѣка въ Ахтамарѣ св. Георгій копьемъ разить лежащаго подъ конемъ человѣка, точно такъ же, какъ на нѣкоторыхъ грузинскихъ памятникахъ, напр., на Ипарской иконѣ въ Сваніи¹, на иконахъ церкви Спаса (მაცხოვრებელი) въ селеніи Гебѣ (გებო gebi) и въ церкви села Мравал-дзала (მრავალდალა) въ Рачѣ² или на рельефѣ Ахашенской церкви въ Ахалцихскомъ уѣздѣ³; на томъ же армянскомъ храмѣ въ Ахтамарѣ фигурой, поражающей копьемъ дракона, является св. Теодоръ, а св. Саргисъ разить льва⁴. Имѣя передъ собой не вполне точный рисунокъ рельефа Дворцовой церкви, трудно настаивать на признаніи въ изображенныхъ фигурахъ того или иного святого. Для рѣшенія вопроса требуется и сравнительное изученіе прежде всего однородныхъ памятниковъ Арменіи и Грузіи. Можно лишь сказать, что рельефъ съ двумя фигурами на коняхъ занимаетъ мѣсто, освященное традиціею армянскихъ храмовъ VII-го вѣка, но эта традиція въ армянскихъ кругахъ держалась долго, въ національныхъ до IX-го вѣка, а въ халкедонитскихъ и находившихся подъ вліяніемъ халкедонитовъ, вплоть до XIII-го вѣка включительно. Однако, самая работа и художественныя формы, насколько можно судить по рисунку Кестнера, и выполненіе вынуждаютъ въ рельефѣ признать работу древнею, и, если даже она подражательна, не позднѣе IX-го вѣка.

Въ болѣе или менѣе близкихъ параллеляхъ къ нашему рельефу недостатокъ нѣтъ⁵, но исключительный интересъ представляетъ средство съ нимъ

¹ М. Н. Ильина, *Помѣдка въ Сван(ет)ію*, Спб. 1913, рис. № 3 (къ стр. 7), см. Н. Марръ, XV, II, стр. 151.

² Гр. Уварова, Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV, стр. 13, рис. 88, стр. 123, рис. 99.

³ Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. XII, табл. II. Е. С. Такайшвили Ахашенскую церковь считаетъ должнымъ признать „очень древнею“, „судя по характеру буквъ“ надписи.

⁴ Walter Bachmann, *Kirchen und Moscheen* табл. 37. Я располагалъ фотографическими снимками изъ поѣздки Г. А. Орбели.

⁵ Въ грузинскихъ памятникахъ аналогичный рельефъ имѣемъ на тимпанѣ западной двери въ Никорцидской церкви въ Рачѣ (Гр. Уварова, Мат. по археологіи Кавказа вып. IV, табл. XLVIII). Но здѣсь между воинами на коняхъ, изъ коихъ правый (отъ зрителя) поражаетъ человѣка, а лѣвый—змѣю, вмѣсто дерева стоитъ фигура Спасителя въ ростъ, по бокамъ котораго крупныя розетки. Впрочемъ, отъ растительной орнаментации на

очи свои и увидѣль: и вотъ—баранъ одинъ, свѣсившійся съ дерева Сабегга рогами своими!“¹. На второмъ планѣ на молодомъ деревѣ виситъ баранъ съ закрученными рогами; къ дереву привязанъ Исаакъ; слѣва отъ него Авраамъ „протянулъ руку, чтобы взять мечъ и заколотъ сына своего“, справа ангель, съ раскрытымъ лѣвымъ крыломъ, въ моментъ оповѣщенія Авраама о волѣ Бога. Такъ же точно баранъ виситъ и въ изображеніи той же сцены на церкви св. Креста въ Ахтамарѣ (рис. 2)².

О томъ, какая ветхозавѣтная сцена была изображена въ соотвѣтствіе описанной на восточной капители той же абсиды, если не удастся напасть на нее въ дальнѣйшихъ раскопкахъ вокругъ церкви, можно будетъ лишь гадать.

Карнизъ съ замыкающею его капителью снизу обрамленъ полуваликомъ, а сверху узкая сторона предполагаемаго плинтуса представляетъ бордюръ, украшенный надъ капителью то растительной рѣзьбою—стилизованными полулистьями на побѣгахъ (надъ южной стороною капители), то геометрической—полушаріе въ кругѣ между цѣпью дырчатыхъ кружочковъ и гирляндю круговъ (на восточной ея сторонѣ), то надъ карнизомъ вдоль основанія полукупола—опять виноградная лоза уже съ цѣльными листьями. Въ западномъ углу абсиды, представляющемъ какъ бы часть пилястра, помѣщена полуколонка на шарообразной базѣ. Орнаментовка верха этой полуколонки сбита, но, судя по остаткамъ, декоративнымъ мотивомъ служила листва съ плодомъ, свѣпвившаяся

Рис. 2. Рельефъ на Ахтамарскомъ храмѣ.

рельефъ изъ *Agles'a* могъ бы быть объясненъ и независимо отъ слова Василія Селевкійскаго въ свѣтѣ древнихъ связей гальской церкви съ восточной. Свѣдѣніемъ о гальскомъ рельефѣ и возможностью использовать статью *Edm. Le Blant'a* передъ самой вереткой настоящей книги я обязанъ любезному указанію Я. И. Смирнова, которому и приношу искреннюю благодарность.

¹ Въ грузинскомъ переводѣ по обѣмъ версіямъ (М О) „съ посадка“ или „недавно посаженнаго (дерева)“ вм. *дерева*, какъ если бы въ армянскомъ текстѣ вм. *ճան փայտ* стояло слово *անիծի*.

² По фотографіи *I. A. Орбели*, изъ поѣздки въ Турецкую Арменію, совершенной въ 1911—12 г.г. по командировкѣ отъ Имп. Академіи Наукъ. См. также *Walter Bachmann, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan* Лейпцигъ, 1913, табл. 35.

Въ Абхазіи; въ откопанныхъ поселянами остаткахъ древняго иконостаса одной изъ церквей, „церкви Воронова“, какъ называетъ ее гр. Уварова по находенію „въ имѣніи

пучкомъ съ обрамляющихъ полуколонку разцвѣтшихъ жезловъ: вдоль полуколонки вытянуты угловатые рельефы, съ канелюрой о бокъ, по одному съ каждой стороны, вверху вѣнчанные пальмовыми листьями, точно разцвѣтшіи жезлъ, давший плодъ, по восточнымъ версіямъ св. Писанія — еврейской и сирійской, къ которой примыкаютъ армянская съ грузинской, — миндаль¹.

г-на Воронова, верстахъ въ 25-ти отъ Сухума, найденъ былъ кусокъ иконостаса съ рельефами (нынѣ хранится въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ), и на немъ въ изображеніи жертвоприношенія Исаака баранъ также повисъ на деревѣ (Мат. по археологій Кавказа, вып. IV, табл. VIII-я). Рѣзные камни, откопанные поселаями, гр. Уварова причисляетъ все безъ оговорки „къ произведеніямъ XII-го или XIII-го вѣка“. Въ заключеніе гр. Уварова оговаривается (стр. 195), что „Иконостасы изъ Цebelдинскихъ церквей, имѣнія г. Воронова (стр. 220 [чит. 22], табл. VI и VII) и селенія Полтавскаго (стр. 22 и табл. VIII) должны по типу фигури, изображаемыхъ сценами и большому реализму изображений принадлежать рѣзку мѣстнаго художника, причемъ меньшая опредѣленность линий и техники могла бы, можетъ быть, указать на болѣе глубокую древность этихъ плитъ“. Вопросъ о времени церкви требуетъ пересмотра несмотря на то, что нѣкоторыя декоративныя детали, по всей видимости, — XII-го или XIII-го вѣка, какъ, напр., квадратные камни (рис. 19—24) съ орнаментомъ геометрическимъ и, рѣже, стилизованнымъ растительнымъ, хотя и они скорѣе XII-го, чѣмъ XIII-го вѣка. Не могутъ притязать на особую древность и куски со стилизованными виноградными листьями и переплетомъ, отнесенные также къ частямъ иконостаса (табл. VI). Что же касается фрагментовъ плитъ иконостаса со сценами (табл. VII и VIII), то по однимъ уже рисункамъ коймъ ясно, что это произведеніе во всякомъ случаѣ не позднѣе IX-го вѣка. Въ результатѣ детального обследованія этого фрагмента изъ Абхазіи проф. Айналовъ въ работѣ „Нѣкоторые христіанскіе памятники Кавказа“ (Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемая Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, 1895, №№ 7—8, стр. 233—243) пришелъ къ заключенію, что „не будетъ ошибкой отнести ихъ къ VII, VIII вѣку“. Впрочемъ этотъ, раздѣляемый нами въ извѣстной мѣрѣ, выводъ получается при совершенно отличной культурно-исторической перспективѣ, какъ въ отношеніи общей конструкціи, такъ и частностей; напр., VII—VIII-й вѣкъ, какъ извѣстно, время окончательнаго поворота христіанской церкви въ Арменіи и Грузіи къ византійскимъ нормамъ, представляется эпохой „наибольшей отторженности Кавказа отъ Византіи“, а переживание вѣрности первоначальнымъ текстамъ Библии въ композиціяхъ характеризуется какъ „отступленіе“ „отъ установившихся ихъ переводовъ въ византійскомъ искусствѣ“ (стр. 243); на стр. 238, дается слѣдующее описаніе попутно заняшаго насъ рельефа изъ Абхазіи: „По другую сторону центрального квадрата представлена въ уродливыхъ формахъ, далеко отступающая отъ обычныхъ композицій, сцена жертвоприношенія Исаака. Удержаны лишь самыя общія черты композиціи, т. е. овца налѣво, Авраамъ съ Исаакомъ направо, но вмѣсто стоящаго на четырехъ ногахъ барана, послѣдній представленъ стоящимъ на заднихъ ногахъ, какъ бы висающимъ на деревѣ. Авраамъ одѣтый въ ту же длинную одежду, какъ и двое мужчинъ въ распятіи Петра, своей позой едва намекаетъ на живыя позы, принятыя для него въ иконографіи сюжета. Одна нога его неуклюже выставлена впередъ, другая подогнута. Онъ держитъ Исаака руками, какъ бы поднимая его вверхъ. Жертвенника не изображено; десницы нѣтъ или, быть можетъ, ея не видно. Вообще эта сцена показываетъ такое же полное забвеніе оригиналовъ, какъ сцена плача Петра, такое же неумѣніе и полное отсутствіе мастерства техническихъ приемовъ, сказывающихся не только въ полномъ неумѣніи изобразить человѣческую фигуру, но и расположить сцену въ опредѣленномъ пространствѣ, которое рѣзчикъ назначаетъ себѣ самъ“.

¹ Числ. 17, 8 (28). Въ доступныхъ пока армянской и грузинской версіяхъ, сравнительно новыхъ, именно IX—X вѣковъ, читается *грецкій* о рѣхъ (арм. *ըհայր*, г. *Բոգան*), согласно греческому чтенію Семидесяти толковниковъ (*χάρυξ*).

Такая плита (длин. 1,42 м., выс. 0,72 м., толщ. 0,25 м.) существовала еще въ 1850-мъ году надъ пролетомъ сѣверной двери, но въ XIX-мъ же вѣкѣ

Рис. 3. Надпись у южной двери.

была варварски выбита и похищена. Въ названномъ году рельефное изображение, находившееся на этой плитѣ срисовалъ Кестнеръ (рис. 4)¹. Рельефъ изображаетъ двухъ встрѣчныхъ всадниковъ, поражающихъ шикой одинъ (справа) дракона, другой—неясное по очертаніямъ существо; ихъ раздѣляетъ дерево. Во всадникахъ М. Броссе призналъ справа св. Георгія, а слѣва св. Димитрія, поражающаго великана. Изображеніе могло бы представить большой интересъ, но, къ сожалѣнію, рисунокъ Кестнера (отъ руки) не даетъ точнаго представленія о подробностяхъ, судя по сохранившемуся на мѣстѣ восточному краю плиты

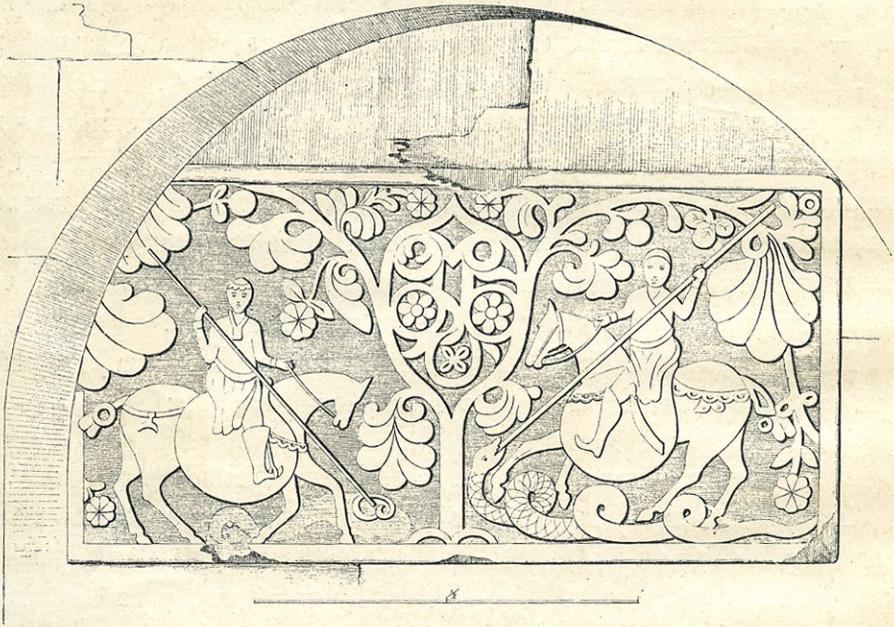

Рис. 4. Рельефъ всадниковъ надъ сѣв. дверью Дворцовой церкви (по Кестнеру).

(рис. 5). На этомъ обломкѣ (шириной всего 0,25 м., изъ коихъ 0,05 м. приходится на гладкій бордюръ) отъ сцены сохранился крупъ коня съ лѣвой задней ногою и ляжкой задней правой ноги и верхній конецъ пики; здѣсь шика въ рукахъ всадника слѣва заканчивается крестомъ, чего у Кестнера нѣтъ; у коня въ подлинникѣ хвостъ завязанъ по такъ называемому „сасанид-

¹ Рисунокъ этотъ былъ изданъ академикомъ М. Броссе въ *Les Ruines d'Ani* (Atlas, pl. XXXVII), откуда онъ воспроизведенъ въ трудѣ Алишана (*Հիբրուհ*, стр. 57) и тутъ.

скому" образцу, т. е., говоря проще, как завязывают его всегда и теперь природные кавказцы; въ верхнемъ углу крупный растительный рисунокъ, точно трилистникъ, какъ на одной изъ капителей Еревуэйской базилики но это скорѣе почка плода въ видѣ кружочка съ шарикомъ внутри съ двумя миндалевидными лепестками по сторонамъ; почка идетъ отъ стебля, съ котораго внизу свѣшивается закругленными лепестками широкій листь. Плита съ рельефомъ выѣчена

изъ стараго ремонтнаго матеріала, именно того особаго камня, который мы называемъ свѣтловиннымъ (розоватымъ) съ черными сгустками¹. Надъ плитою съ рельефомъ имѣется продольное сквозное отверстіе, какъ въ Еревуэйской базиликѣ, для разгрузки тяжести налегавшей сверху плиты: съ наружной стороны длина этого отверстія 0,97 м., ширина — 0,02 м. У пролета этой двери снаружи сохранился восточный пилястръ изъ ремонтнаго матеріала, бѣловатаго камня, того именно, изъ какаго и колонки у воротъ

Рис. 5. Обломокъ рельефа надъ сѣверной дверью Дворцовой церкви.

главнаго входа въ корридоръ дворца; пилястръ этотъ—съ парой полуколонокъ на лицевой сторонѣ по угламъ и капителью, нѣкогда орнаментированной, но стороны ея сравнены и рѣзба уничтожена. Западнй пилястръ у той же двери,

¹ Такихъ камней въ нашей церкви мнѣ удалось наблести сначала немного: а) надъ пролетомъ сѣверной двери во второмъ (отъ пролета) ряду кладки снаружи одинъ такой камень двумя третями лежалъ на убранной плитѣ съ рельефомъ, б) внутри церкви надъ пролетомъ двери также одинъ большой камень въ томъ же рядѣ кладки восточнѣе, но, повидимому, ихъ больше, и они были использованы при реставраціи, а не ремонтѣ.

поддерживавший, вмѣстѣ съ восточнымъ, арку, спесенъ почти безслѣдно: оставленъ лишь низъ до верха верхней ступени церкви. Верхняя часть пилястра не сбита, а умышленно отсѣчена, снята. Выше въ стѣнѣ церкви, на мѣстѣ прислона пилястра, обгорѣлые лицевые камни на протяженіи четырехъ рядовъ кладки въ высоту, начиная съ верхней ступени. Судя по сохранившемуся нижнему обрубку, пилястръ этотъ былъ изъ чернаго камня, по крайней мѣрѣ въ нижней части.

Два вѣншихъ пилястра у сѣверной двери не представляютъ собою первоначальнаго сооруженія: не будучи частью портала съ фронтономъ, какъ это наблюдается въ Ереванской базиликѣ, они занимали случайныя въ отношеніи сѣверной двери мѣста, опредѣлявшіяся позднѣйшей пристройкой, часовней или придѣломъ.

Окна.

Окна въ сѣверной стѣнѣ Дворцовой церкви не было ни одного. Въ южной стѣнѣ имѣется узкое окно подъ восточной выпускной аркою¹. Въ восточной абсидѣ и въ западной стѣнѣ было по окну: отъ западнаго окна на мѣстѣ сохранилась маленькая подкова, вѣнчавшая его верхъ²; сверху, надъ изгибомъ подковы, равносторонній крестъ; подъ подковой, надъ пролетомъ окна, надпись лапидарными буквами:

✝ ՈՂՈՐԻԿԷ
ԱՅ ԻՇԶ ԳՆ
ՈՐԳԻՆ ԸՅ ԿԷ

„ ✝ Помилуй
меня, Христосъ,
Сынъ Бога нашего“.

Сѣверная
пристройка.

Сѣверный придѣлъ, нынѣ представленный развалинами въ два этажа, имѣетъ свою длинную исторію. Второй этажъ, служившій часовней, сохранилъ штукатурку со слѣдами росписи на простѣнкахъ сѣверной стѣны. На западномъ простѣнкѣ замѣчаются слабые слѣды росписи верхняго яруса: это нижнія части трехъ фигуръ—ноги, подолъ одѣяній и выше приблизительно до бедеръ; подъ восточной фигурой лапидарными армянскими буквами надпись черной краской, изъ которой удастся уловить лишь отдѣльныя буквы, и тѣ пока съ сомнѣніемъ:

· su[ʒ] ԿԱՅ [ՈՂ-ՅԱՆ-ԱՅ]ՆՅ

На восточномъ простѣнкѣ слѣды росписи еще слабѣе. Сохранилась вообще отъ росписи красная краска (киноварнаго цвѣта). Подъ штукатуркой чисто-тесаные камни, показывающіе, что строители верхней часовни не предназначали ее для росписи. Камень, то темный, то красноватый туфъ, и отесъ явно указываютъ, что постройка—времени разцвѣта арійскаго искусства, именно начала XIII-го вѣка.

¹ ПАИ, I, табл. VII, 13, XX.

² ПАИ, I, табл. I, VI, XII.

Совершенно другой материалъ представляетъ собою нижній этажъ сѣверной постройки, также часовня, подлинный придѣлъ основной церкви, общавшійся съ нею непосредственно черезъ ея сѣверную дверь. Часовня эта была возведена значительно раньше, не позднѣе X-го вѣка. При возведеніи часовни западной аркой ея южной стѣны пришлось прикрыть углы восточный и западный рельефа воиновъ на коняхъ, украшавшаго тимпанъ сѣверной двери. Часовня другого выхода, кромѣ какъ въ церковь, не имѣла, судя по наличному ея виду. Сама по себѣ эта часовня или церковка, продолговатый четырехугольникъ съ полукруглой алтарной абсидой, была выведена двумя продольными арками на трехъ пилястрахъ съ каждой стороны. Коробовый сводъ по срединѣ былъ перехваченъ поперекъ выпускной аркой, опиравшейся на средніе пилястры. Въ длину церковка прикрывала восточную половину сѣверной стѣны главной церкви, захвативъ собою не только сѣверную ея дверь, но и сѣверную четырехугольную нишу. Въ высоту стѣны ея достигали восьмого отъ верхней ступени ряда кладки Дворцовой церкви. Съ сѣверной стороны первоначальная высота часовни и сейчасъ отмѣчена наружнымъ карнизомъ, сохраннымъ и по возведеніи второго этажа. Часовня имѣла лишь одну ступень на высотѣ первой ступени главной церкви. Пилястры, выпускныя арки, алтарная абсида, сводчатый верхъ выведены всѣ изъ древняго матеріала, бѣловатаго камня ремонта (изъ котораго и колонки воротъ корридора дворца), чернаго камня нижней части дворцовой церкви и мѣстами ашотовскихъ красныхъ камней. Въ простѣнкахъ тотъ же матеріалъ, но нигдѣ нѣтъ сдѣленія съ пилястрами. Впрочемъ простѣнки новые возведены лишь съ сѣвера и запада: на югъ въ качествѣ простѣнковъ использована сѣверная стѣна главной церкви. Въ западной стѣнѣ у юго-зап. угла, тамъ, гдѣ первоначально былъ пилястръ, была сдѣлана брешь (шир. 0,87 м.); чтобы сдѣлать ее, вънуждены были въ одномъ камнѣ (черномъ) пробить уголь. Брешь эта была сдѣлана не для выработки пролета двери. Чтобы открыть въ западной стѣнѣ дверь, не было никакой надобности убирать основательно сооруженный пилястръ: дверь можно было продѣлать безъ всякой помѣхи въ западной стѣнѣ, подалше отъ уничтоженнаго пилястра. Очевидно, особое назначеніе бреши опредѣляло ея мѣсто именно вплотную у стѣны, для чего и пришлось уничтожить пилястръ. И, дѣйствительно, отъ бреши по стѣнѣ главной церкви не только вверхъ до высоты четвертаго ряда кладки, но и горизонтально въ направленіи къ сѣверо-западному углу Дворцовой церкви на лицо явные слѣды дѣйствія огня въ строго определенныхъ предѣлахъ: обгорѣлъ именно весь четвертый рядъ кладки, ни выше, ни ниже. Еще сильнѣе дѣйствовалъ этотъ огонь у сѣверо-западнаго угла, захватывая и часть западной стѣны. Обгорѣлость стѣнъ въ указанныхъ направленіяхъ, притомъ главнымъ

образомъ, узкой горизонтальной полосой можно бы было объяснить тѣмъ, что названный рядъ лицевыхъ камней служилъ одной изъ стѣногъ трубы, пропускавшей дымъ изъ печки, устроенной въ бреши западной стѣны сѣвернаго придѣла. Дымоходъ могъ быть пущенъ горизонтально въ направленіи наименьшаго сопротивленія, такъ какъ при его направленіи вверхъ пришлось бы пробить два, даже три средостѣнія: полъ и потологъ второго этажа и крышу.

Встройна
бани.

Появленіе печки въ загадочной бреши можно объяснить предположеніемъ, что нижній этажъ сѣвернаго придѣла одно время, очевидно, по паденіи христіанскаго Ани, обращенъ былъ въ баню или часть ея. Это ясно изъ другого обстоятельства: вся эта нижняя древняя часть придѣла была оштукатурена, а въ нижнихъ частяхъ покрыта толстымъ слоемъ цемента, какъ извѣстная Дворцовая баня; на полу этотъ цементъ лежитъ въ нѣсколько слоевъ. Въ бреши, очевидно, помѣщался котель, и подь нимъ устроена была печка для согрѣванія или кипяченія воды въ котлѣ. Оборудование новой бани въ домѣ христіанскаго культа, очевидно, связано съ окончательнымъ переходомъ Ани въ полную власть мусульманъ, притомъ малокультурныхъ, не имѣвшихъ возможности возстановить приходившую въ ветхость старую баню. Это — люди той эпохи, когда въ цистерну вышгорода стало прибывать меньше воды, и лишенные техническихъ знаній новые хозяева не могли основательно исправить все болѣе и болѣе приходившій въ негодность водопроводъ (нѣкоторыя неумѣлыя попытки его ремонта въ эту именно эпоху обнаружены раскопками), но были достаточно смыслены, чтобы соорудить въ цистернѣ колодезь для скопленія получавшагося количества воды въ одномъ мѣстѣ и болѣе экономнаго пользованія ею. Въ эту эпоху вода, очевидно, не текла по водопроводнымъ трубамъ въ древнюю баню, отстоящую значительно дальше отъ цистерны, и баня была оборудована въ сосѣдствѣ, почти непосредственномъ съ цистерной. О подробностяхъ этого оборудованія, въ случаѣ если наше предположеніе оправдается, можно будетъ говорить, когда раскопки вышгорода вскроютъ сѣтъ водопроводныхъ трубъ, распредѣлявшихъ воду цистерны по различнымъ частямъ дворца.

Хозяева, обратившіе придѣлъ церкви въ предполагаемую баню, и являются виновниками послѣдней побѣлки, покрывшей роспись церкви, послѣднюю христіанскую отдѣлку дома моленія. Едва-ли, однако, штукатурку съ росписью бѣлили съ цѣлью обратить церковь въ мечеть или просто въ жилой домъ. Какъ побѣлка, такъ камни внутри церкви производятъ такое впечатлѣніе, точно они подвергались длительному вліянію влаги и горячаго пара: побѣлка пузырилась и, остывая, становилась шероховатой, а поверхность камней размыта и выкрошилась, и такъ какъ течи въ зданіи не было и не можетъ быть рѣчи о дѣйствіи дождевой воды, то приходится обратиться къ предпо-

ложеною, что не только сѣверный придѣлъ, но и вся Дворцовая церковь одно время была обращена въ баню.

На южной стѣнѣ, снаружи хорошо видны четыре углубленія по одной линіи на высотѣ шва между вторымъ и третьимъ сверху рядомъ кладки. Это варварски выдолбленные гнѣзда, въ которыхъ позднѣйшіе малокультурные обитатели Ани укрѣпляли бревна перекрытія своихъ жилыхъ домовъ, пригнанныхъ къ церкви. Съ юга были пристроены двѣ комнаты, одна, западная, побольше: она захватывала часть южной стѣны съ заложеной дверью, имѣла двѣ двери, восточную, для общенія съ меньшею комнатою, и западную, входную. Въ южной стѣнѣ церкви, снаружи, на лицо обуглившіеся лицевые камни. Особенно пострадала въ этомъ отношеніи часть южной стѣны, забранная большой комнатою: здѣсь въ четырехъ рядахъ кладки камни поскропились, особенно же по одной вертикально взятой полосѣ, гдѣ обуглившіеся камни кончаются на высотѣ пятого отъ верхней ступени ряда кладки, гдѣ пробито отверстіе, проходящее черезъ толщѣ лицевыхъ камней въ буть и тамъ теряющееся. При ближайшемъ разсмотрѣніи возникаетъ вопросъ, не отъ дымохода ли пристроенной съ юга большой комнаты пострадала такъ снаружи южная стѣна Дворцовой церкви. Обитатели этихъ пристроенныхъ помѣщеній люди еще болѣе поздней эпохи. Строители жилыхъ помѣщеній съ юга отъ церкви не проявили особаго искусства ни въ кладкѣ стѣнъ, ни въ ихъ отдѣлкѣ, но они использовали двѣ плиты съ красивою рѣзбой, одну въ южной стѣнѣ внутри (рис. 6), другую снаружи у края западнаго входа (рис. 7). Кажется, что появленіе этихъ декоративныхъ кусковъ не случайно, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о выборѣ по мусульманскому вкусу, а хозяева—обитатели, несомнѣнно, были уже мусульмане. Вопросъ не праздный для исторіи города, изъ какихъ мусульманскихъ построекъ Ани, тогда уже развалинъ, извлечены были эти образцы. Въ извѣстныхъ пока памятникахъ мусульманскаго искусства въ Ани мы ничего подобнаго не находимъ.

Пристройка жилыхъ домовъ.

Съ запада также была пригнана въ эти позднія эпохи пристройка, но болѣе обширная. Выстою она достигала верхняго ряда кладки западной стѣны Дворцовой церкви; на этой высотѣ въ стѣнѣ высѣчены были углубленія, числомъ 6, въ которыхъ утверждены были балки потолка обширнаго зала; сейчасъ отлично сохранились четыре такихъ гнѣзда, одно изъ коихъ, впрочемъ, при ремонтѣ, произведенномъ нами, грубо задѣлано камнемъ. При вырубаніи этого гнѣзда еще въ древности отсѣченъ правый край подковы западнаго окна. Балки потолка, отъ западной стѣны церкви шедшія на западъ, здѣсь находили опору въ поперечныхъ бревнахъ на деревянныхъ столбахъ, утвер-

Западная пристройка.

жденныхъ на круглыхъ (діам. 0,57 м.) постаментахъ изъ темнаго базальта. На
лицо въ раскопанной части двора передъ церковью два такихъ постамента, одинъ

Рис. 6. Плита изъ южной пристройки.

въ шести шагахъ отъ западной двери церкви, другой—въ одиннадцати шагахъ
отъ перваго. Весь дворъ, отдѣлявшій Дворцовую церковь отъ комнаты съ
цистерной, забранъ былъ этой западной пристройкой и вымощенъ каменными

плитами. Получившийся полъ прикрывалъ основаніе Дворцовой церкви съ западной стороны, гдѣ, кстати, ступени убраны, а видный сейчасъ рядъ камней вдоль нея—позднѣйшаго происхожденія. Этотъ накладной выступъ обслуживалъ другія цѣли: два, а гдѣ сохранилось, и четыре ряда кладки снизу съ западной стѣны церкви надъ этимъ продольнымъ выступомъ представляютъ обгорѣлыя отъ огня лицевые камни. Такіе же слѣды отъ постоянного дѣйствія огня и дыма бросаются въ глаза на сѣверной стѣнѣ западной пристройки внутри. Наконецъ, сильно обгорѣлъ въ этомъ помѣщеніи и порогъ его сѣверо-восточной двери, черезъ которую общались съ позднѣйшей сѣверной пристройкой, пригнанной къ сѣверной стѣнѣ Дворцовой церкви и забиравшей ея часть отъ западной стѣны двухэтажнаго сѣвернаго придѣла.

Сѣверная, точнѣ сѣверо-западная позднѣйшая пристройка чрезвычайно интригуетъ своимъ назначеніемъ. Она была не высока. Ея перекрытіе или потолокъ не поддерживалось балками, укрѣпленными въ сѣверной стѣнѣ Дворцовой стѣны: мы не находимъ вырубленныхъ для этой цѣли гнѣздъ, но въ ней имѣется продольная выемка, начиная отъ западной стѣны сѣверо-восточнаго придѣла, длиной въ 2,15 м.; выемка эта идетъ почти по самой серединѣ вдоль шестого отъ верхней ступени ряда кладки. Съ этой стороны вообще не было жилого помѣщенія, а вся пристройка прикрывала то, сейчасъ неподдающееся реальному и окончательному выясненію сооруженіе съ дымоходомъ, отъ котораго вдоль сѣверной стѣны Дворцовой церкви обгорѣли всѣ лицевые камни четырехъ рядовъ кладки, начиная съ верхней ступени, отъ бреша въ западной стѣнѣ сѣв.-восточнаго придѣла до двери въ западную пристройку. Въ четвертомъ рядѣ кладки отъ загадочнаго сооруженія сохранились округлыя пробоины діаметромъ 0,11 м.—0,13 м., глубиной проникающія черезъ весь лицевой камень въ толщѣ бута.

Сѣверная пристройка.

Рис. 7. Плита изъ южной пристройки.

Карнизъ.

Карнизъ южнаго фасада украшенъ діагонально разставленными ланцетками, также—восточнаго фронтона, гдѣ ланцетки помѣщены въ два ряда ¹. Карнизъ сѣвернаго фасада почти полностью сбитъ, какъ впрочемъ и южнаго фасада ², но по остаткамъ ясно видно, что карнизомъ на сѣверѣ служилъ обычный въ арійскихъ церквахъ перенлетъ, съ сѣверной стѣны заходящій за уголь на западную стѣну подъ пяту сѣвернаго ската фронтона ³.

Рѣзьба.

Рѣзьба отличается плоскимъ характеромъ. Отчасти то же самое можно наблюдать и въ другихъ древнихъ памятникахъ Ани, такъ, напр., въ обработкѣ розетки церкви Богоматери Хамбушенць, но не говоря о сложной формѣ плетения на этой подробности памятника X-го, едва ли IX-го вѣка, рисунокъ—рельефъ всетаки значительно болѣе рѣзко и, что особенно характерно, широкими штрихами выступаетъ впередъ, отдѣляясь отъ фона, какъ вышитый узоръ отъ основы, тогда какъ художникъ-рѣзчикъ въ Дворцовой церкви рѣзбу внутри церкви накиннулъ точно восточный тонкій узорный коверъ или ткань. Въ этомъ отношеніи, по техникѣ работы, Дворцовая церковь болѣе сближается съ Ереруйской базиликой и Текорскимъ храмомъ. Особенно бросается въ глаза такая работа въ изображеніяхъ живыхъ существъ на южныхъ пилястрахъ, причемъ самое расположеніе ихъ попарно другъ противъ друга, какъ встрѣчныя фигуры въ иныхъ геральдическихъ изображеніяхъ, наводитъ мысль опять таки на тканевые или ковровые рисунки.

Роспись.

Въ Дворцовой церкви однако не все столь архаично. Нѣкоторыя явленія—совсѣмъ поздніе вклады. Нечего говорить о росписи: отъ нея сохранились слабыя полосы окраски незначительными пятнами на сводѣ и штукатуркѣ, мѣстами прикрывшей древнюю рѣзбу. Эта новая работа вкладъ той довольно поздней эпохи, когда была расписана церковка во второмъ этажѣ пристроеннаго съ сѣвера придѣла; такъ какъ верхній этажъ придѣла—XIII-го вѣка, роспись появиться могла лишь позднѣе.

Перекрытіе и черепицы.

Передѣлка коснулась и перекрытія Дворцовой церкви. Плиты кровли—гладкія; проложенныя вдоль длинныя, также гладкія, плиты хребтомъ входятъ между смежными плитами и прикрываютъ собою ихъ края.

Это, безспорно, передѣлка, ибо первоначально та же церковь была перекрыта черепицею. Черепичныя перекрытія—особенность древнѣйшихъ построекъ христіанской Арменіи, однако, эта архаичная черта, по всей видимости, держалась долго. Несомнѣнно только то, что замѣна черепицы камнемъ началась съ VII-го вѣка, но полное и исключительное господство камня начинается позднѣе,

¹ ПАИ, I, табл. I, VI, XII.

² ПАИ, I, табл. I, VI, XII, XV, XVI, рис. 5.

³ ПАИ, I, табл. XV, рис. 2.

(дата еще подлежит определению). Во всякомъ случаѣ у насъ сейчасъ въ Анійскомъ музеѣ древностей собраны, въ большинствѣ въ обломкахъ, образцы черепиць такихъ извѣстныхъ древностью христіанскихъ памятниковъ Арменіи, какъ Ереруйская базилика, Текорскій храмъ, а также Мренскій храмъ (рис. 8). Но черепицею были крыты и такіе памятники X-го вѣка, какъ Ширакаванскій храмъ, постройка царя Сымбата, и сродный съ нимъ, почти двойникъ его храмъ въ селѣ Огузлу (рис. 9). На послѣднемъ архитекторъ Н. Г. Буніатовъ имѣлъ случай наблюсти черепицы стараго перекрытія *in situ*, залитыя цементомъ подъ позднѣйшими каменными кровельными плитами: онѣ находятся на западномъ крылѣ церкви.

Отъ древняго перекрытія Дворцовой церкви цѣльныхъ экземпляровъ его частей не имѣемъ. Судя по обломкамъ, составными частями являлись плоскія, толщиной 0,017 м.—0,02 м., черепицы, въ формѣ продолговатаго четырехугольника, съ загнутыми и приподнятыми (выс. 0,02 м.) краями (толщ. края то 0,012 м., то 0,022 м.), располагавшіяся въ одномъ горизонтальномъ рядѣ и сходявшіяся загнутыми краями, и черепичные округлые опрокинутые желоба съ поперечнымъ рантикомъ на одномъ концѣ, на который находила сосѣдняя въ вертикальномъ направленіи черепица (рис. 11). Черепицы хорошо обожжены, но внутри нѣкоторыя недостаточно обожжены, а снаружи на нѣкоторыхъ точно слѣдъ окраски въ красный цвѣтъ.

Къ передѣлкѣ кровли относится появленіе на карнизѣ Дворцовой церкви переплета, ставшаго гражданственнымъ въ армянскихъ церковныхъ постройкахъ на указанной именно части построекъ съ XI-го вѣка. Къ тому же времени, но не ранѣе X-го вѣка, можно бы приурочить и шаблонныя подковы не только надъ западнымъ окномъ, но и надъ древней абеидою въ южной стѣнѣ. Подлинно древняя армянская подкова имѣетъ форму дуги съ заходящими внутрь пятаями, подобно мавританской: она извѣстна въ Арменіи до возникновенія ислама въ Аравіи и начинается постепенно перерождаться въ указанную шаблонную форму съ прочнаго водворенія арабовъ въ Арменіи, т. е. съ конца VIII-го вѣка и позднѣе.

Съ другой стороны, и внутри церкви есть признаки того, что церковь не дошла до насъ въ первоначальномъ архитектурномъ видѣ. На гладкихъ сторонахъ капителей пилястровъ многочисленные слѣды ударовъ остраго орудія для подготовки поверхности подъ штукатурку, такъ, особенно, на капители восточнаго изъ средней пары пилястровъ южной стѣны. Тамъ, гдѣ такихъ слѣдовъ меньше, особенно замѣтно то, что, независимо отъ ударовъ, стороны капителей свѣже стесаны. Эти гладкія стороны являютъ контрастъ не только съ нормою Ереруйской базилики и церковей ея типа. Оголенность вѣнчающихъ капителей, эта убогая простота, совершенно не соотвѣтствуетъ декоративной отдѣлкѣ самихъ пиля-

Внутренніа
передѣлки.

стровъ, грубо нарушаетъ цѣльность художественнаго впечатлѣнія. Нѣтъ никакого основанія вину въ отсутствіи декоративной рѣзбы на капителяхъ взва-

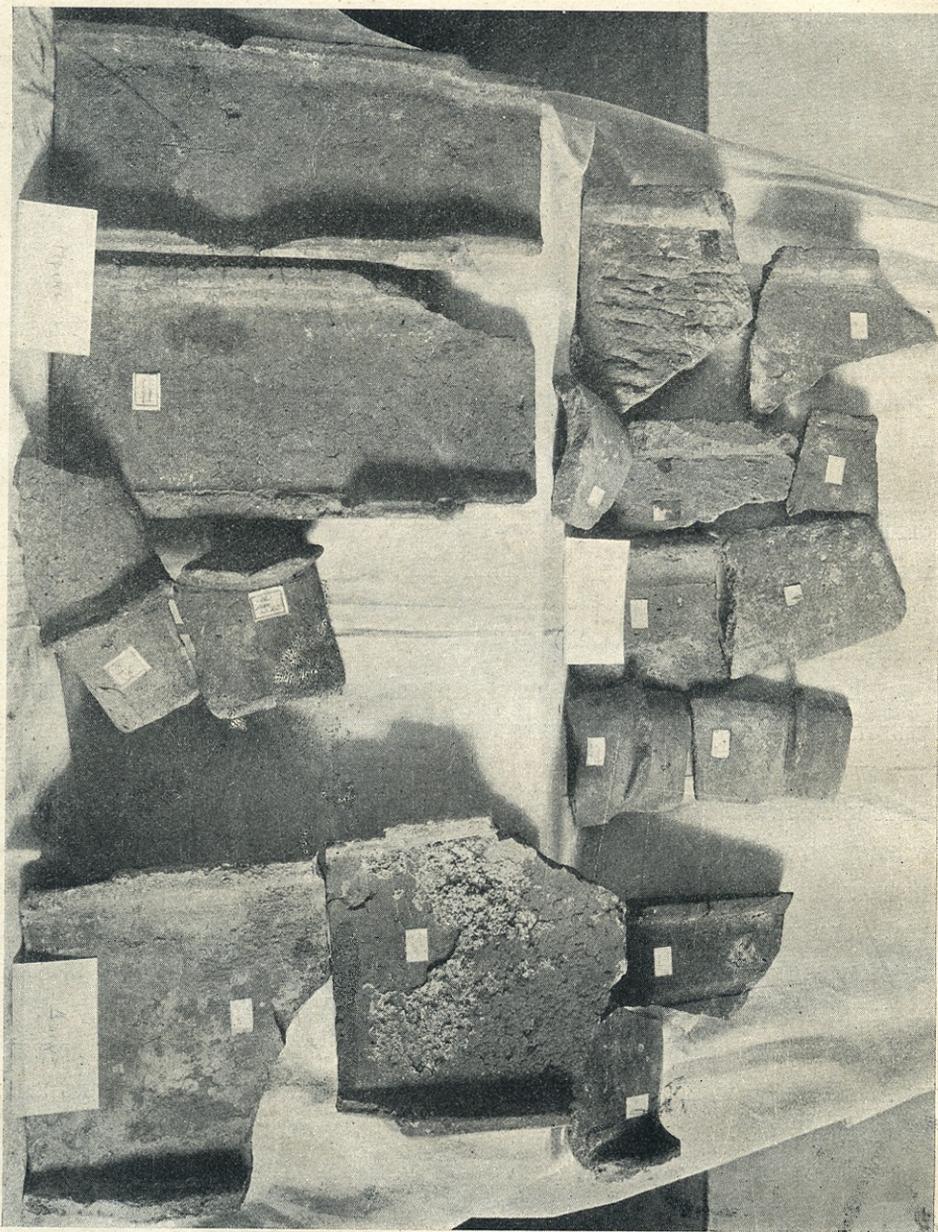

Рис. 8. Кровельныя черепицы Еревуа, Мрена и Текора.

ливать на тѣхъ, кто расписывалъ позднѣе церковь, предполагать, что она сбита ими: любители росписи могли заштукатурить декоративную рѣзбу на

на капители южной абсиды нашей церкви, какъ мы уже указывали¹. На верхнемъ кускѣ этого иконостаса представлены два святыхъ воина на коняхъ, причѣмъ человекъ поражаетъ святой, находящійся на правой (для зрителя) сторонѣ, а святой слѣва поражаетъ дракона. Между ними здѣсь нѣтъ ни дерева, ни какой либо фигуры, но всю сцену съ боковъ обрамляютъ виноградныя лозы съ кистями.

Простотой и ясностью композиціи, самостоятельностью каждой фигуры, анійскій рельефъ безспорно древнѣе. На тимпанѣ Дворцовой церкви даже дерево не простой декоративный придатокъ, а независимый и необходимый участникъ или свидѣтель сцены, двухъ разыгрывающихся на глазахъ зрителя драмъ. И если абхазскій рельефъ не позднѣе IX-го вѣка, какъ то доказывалъ Д. В. Айналовъ, за армянской работой, мы вправѣ признать не меньшую древность.

Во всякомъ случаѣ, когда въ X-мъ вѣкѣ сооруженъ былъ придѣлъ съ сѣвера отъ Дворцовой церкви, тимпанъ съ двумя святыми воинами на коняхъ давно существовалъ, и новая постройка прикрыла часть рельефа.

Еще болѣе сложнымъ представляется вопросъ о плитѣ надъ южной дверью. Что здѣсь была плита, притомъ громаднхъ размѣровъ въ этомъ убѣждаетъ одинъ видъ пустого мѣста въ кладкѣ (рис. 11). Понятно, не вся эта зияющая выбоина служила гнѣздомъ, по краямъ выбиты и тѣ камни, которые пригнаны были непосредственно къ плитѣ, но даже съузвивъ и въ высоту сокративъ углубленіе выпрямленіемъ краевъ, мы всетаки получаемъ достаточно просторное мѣсто, чтобы исчезнувшій рельефъ искать на плитѣ большихъ размѣровъ, чѣмъ та, которая была надъ сѣверной дверью.

Первое затрудненіе здѣсь въ выборѣ рельефа, который долженъ бы украшать верхъ надъ пролетомъ южной двери. Направиваются двѣ плиты.

Одна плита, собственно часть, хотя и большая, камня, откопана у Дворцовой церкви (рис. 12). Она представляетъ, точнѣе представляла, собою длинную, нѣсколько узкую (0,72 м. при толщинѣ 0,22 м.) плиту изъ краснаго камня. На эту плиту, какъ на наиболѣе подходящую къ пустому гнѣзду надъ южной дверью Дворцовой церкви указалъ Я. И. Смирновъ. Дѣйствительно, по цвѣту камень ближе къ плитѣ съ святыми воинами—всадниками, хотя, необходимо оговориться, о тождествѣ камня не можетъ быть и рѣчи: этотъ красный камень съ большими желтыми комками пемзы, точно кусками окаменѣвшаго дерева, представляетъ собою тотъ матеріалъ, изъ котораго въ Ани обыкновенно дѣлали могильныя плиты. На плитѣ, правда, высѣчены символы, кресты, украшающіе тимпаны дверей въ древнихъ церквяхъ сроднаго

¹ Гр. Уварова, ц. с., табл. VII.

типа, какъ въ Ереванской базиликѣ и Текорскомъ храмѣ, но, во-первыхъ, на красномъ камнѣ, если бы онъ даже былъ дѣйствительно сроденъ по качеству

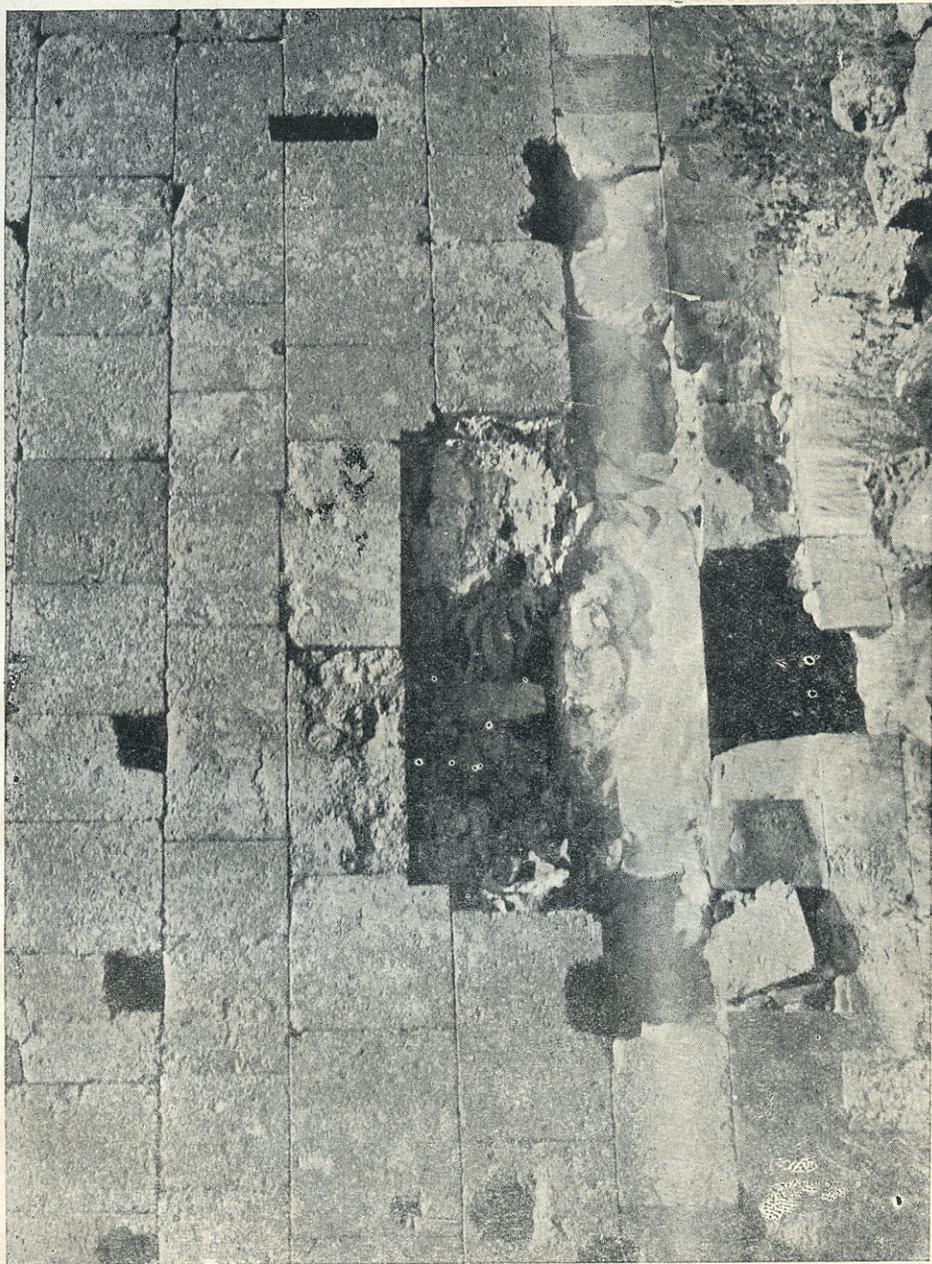

Рис. 12. Южная дверь Дворцовой церкви.

и былъ одного времени по обработкѣ съ плитой святыхъ воиновъ—всадниковъ, мы не стали бы искать архаичныхъ рисунковъ названныхъ памятниковъ; во-

вторыхъ, на этой плитѣ нѣтъ настоящаго рельефа, не только лицевого изображенія, но и декоративной раздѣлки съ христіанскими символами: мы ждали бы

Рис. 12. Плита, найденная въ раскопкахъ Дворцовой церкви.

видѣть просторный, широкій фонъ съ рисунками, розетками и крестами, съ обрамленіемъ по краямъ плиты; обрамленіе, три полочки, помимо широкой полки по краю, съ тремя желобками занимаетъ почти всю поверхность камня,

оставляя по срединѣ узкую (0,23 м.) длинную полосу, въ которой центрѣ занимаетъ равносторонній крестъ въ кругѣ, а по бокамъ было по кресту съ длиннымъ нижнимъ крыломъ: таковой во всякомъ случаѣ имѣется на сохранившейся сторонѣ плиты¹. Наконецъ, изъ чистаго отеса всѣхъ боковыхъ сторонъ по толщинѣ камня совершенно ясно, что плита вовсе не изъ кладки стѣны, что она, скорѣе, — надгробная; на боковыхъ ея узкихъ сторонахъ, какъ мнѣ кажется, даже замѣтна грань, до которой достигала земля, когда плита прикрывала могилу. Впрочемъ, при признаніи камня надгробной плитой можетъ смущать, что сохранившій длинный крестъ высѣченъ не вдоль памятника, а поперекъ. Но у насъ есть и одно возраженіе иного порядка противъ признанія этого камня перемычкой южной двери. Гнѣздо находилось выше уровня, котораго достигала насыпная почва до раскопокъ. Плиту изъ него, очевидно, выбили для использованія хищники; судя по чистотѣ гнѣзда, они извлекли ее мастерски, и вѣроятно такъ же успѣшно увезли ее, между тѣмъ обсуждаемая плита найдена въ раскопкахъ, она свалилась, вѣроятно, сама вмѣстѣ съ обрушившейся стѣной, и, если и представляла перемычку одной изъ дверей Дворцовой церкви, то развѣ западной.

О другой плитѣ рѣчь можетъ быть лишь гадательно, и только въ томъ случаѣ, если въ ней признать наслѣдіе первоначальнаго вида постройки, быть можетъ, и не церкви, а дворца князей Камсарагановъ. Это извѣстный рельефъ, изображающій княжескій выѣздъ—князь верхомъ, съ глашатаемъ впереди и оруженосцемъ сзади; хвостъ, завязанный узломъ, и украшеніе попоны привѣсками ярко говорятъ о древнеармянскихъ бытовыхъ нормахъ, которыя были тождественны съ иранскими.

Черный камень, хотя и иной породы, прекрасно могъ бы гармонировать съ чернымъ же камнемъ первоначальной части Дворцовой церкви. Размѣрами плита вполне подходитъ къ пустому гнѣзду надъ дверью; правда, у рельефа отбить верхъ, не хватаетъ головы всадника, но гнѣздо даетъ въ высоту излишекъ въ 0,50 м., чего вполне достаточно, чтобы умѣстить голову князя въ шлемѣ.

Противъ признанія исчезнувшаго перемычнаго камня южной двери въ этой плитѣ также возможны возраженія. Во-первыхъ, плита найдена въ селеніи Чалѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Ани, и при всемъ вѣроятіи ея происхожденія изъ городища Ани у насъ нѣтъ прямого указанія на то, что она взята изъ Дворцовой церкви. Фактъ, что окрестные жители брали изъ Ани для своихъ надобностей камни, въ томъ числѣ надписи и рельефы; между прочимъ, изъ того же селенія Чалы возвращенъ къ намъ въ Музей древ-

¹ Крестъ съ такимъ соотношеніемъ длины крыльевъ совершенно не соответствуетъ бы древности церкви.

ностей камень съ рельефомъ змѣи, декоративная подробность одной изъ нынѣ раскопанныхъ анійскихъ гостиницъ; камень задолго до раскопокъ былъ подобранъ вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ въ Ани и увезенъ въ Чалу, гдѣ его использовали въ кладкѣ дома какъ лицевой камень внутри жилого помещенія. Плита съ княземъ верхомъ на конѣ использована была какъ надгробный памятникъ одного изъ давно усопшихъ сельчанъ, дѣда нынѣ здравствующаго чальца. При посѣщеніи Ани Кестнеромъ плиты въ Ани не было, иначе мы безусловно имѣли бы ея рисунокъ. Была или нѣтъ она въ Ани при путешественникахъ до 1850 года, ничего нельзя сказать, такъ какъ они не

Рис. 14. Найденная въ Чалѣ плита съ рельефомъ.

даютъ перечня даже наиболѣе выдающихся рельефовъ. Англичанинъ Abboth, бывшій въ Ани въ 1837 году, говоритъ о трехъ поразившихъ его рельефахъ на городскихъ стѣнахъ, левъ, лошади и человекъ съ какимъ то сферическимъ предметомъ въ рукѣ, изъ коихъ только левъ, извѣстный анійскій рельефъ у главныхъ воротъ, дошелъ до нашихъ дней. Однако, нельзя и думать, чтобы путешественникъ, отмѣчающій „какой то сферическій предметъ“ при рельефѣ или статуѣ человека, могъ бы назвать нашъ рельефъ, изображающій цѣлую группу лицъ, въ числѣ ихъ и сѣдока, однимъ словомъ: „лошадь“. Кромѣ того, изображенія, видѣнныя англійскимъ путешественникомъ, украшали, очевидно, какъ и левъ, позднѣйшія накладныя части Сымбатовыхъ стѣнъ, а нашъ рельефъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться не только къ XIII-му вѣку, къ эпохѣ наличной, сохранившейся до нашихъ дней отдѣлки стѣнъ, но и ко времени Багратидовъ, т. е. къ новой царской или хотя бы къ новой княжеской эпохѣ.

Рельефъ принадлежитъ древней княжеской эпохѣ, времени князей Камсаракановъ, и, если онъ происходитъ изъ городища, то, очевидно, изъ древнѣйшей его части, вышгорода или первоначальной крѣпости, существовавшей при Камсараканахъ. Единственно же подходящая въ крѣпости постройка, гдѣ она не только могла находиться, но и откуда чальцы безъ особеннаго труда могли извлечь ее въ началѣ XIX-го вѣка, если не позднѣе, это—Дворцовая церковь, именно ея древнѣйшая часть изъ черныхъ камней, быть можетъ, повторяю, относящихся къ тому времени, когда постройка не была обращена еще въ церковь. И когда въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ соотвѣтственной частью этой постройки находимъ пустую брешь, естественно, возникаетъ вопросъ о помѣщеніи въ ней именно нашего рельефа. Но при всемъ томъ, предлагаемое мною его рѣшеніе пока является лишь въ высшей степени гадательнымъ.

Съ другой стороны, христіанскій рельефъ съ изображеніемъ жертвоприношенія Исаака подкупаетъ своей примитивностью, обрамляющія его декоративныя подробности архаичны, а сюжетъ характеренъ именно для древнехристіанскаго искусства. Однако, выборъ сюжета можетъ стоять въ связи съ популярностью ветхозавѣтныхъ сценъ на такъ называемыхъ древнехристіанскихъ рельефахъ армянскихъ надгробныхъ стелъ и ихъ постаментовъ, гдѣ мы встрѣчаемъ трехъ отроковъ въ печи, Даніила во рвѣ со львами и т. п. Послѣдніе годы эти стелы всплыли въ значительномъ числѣ въ предѣлахъ одной древней области Ширакъ. Въ ожиданіи спеціальной работы, готовящейся о нихъ Я. И. Смирновымъ, я могу высказать только одно наблюденіе: судя по мѣстамъ находокъ, эти стелы съ рельефами создавались вплоть до IX-го вѣка, когда ихъ стали смѣнять столь излюбленные въ Арменіи, съ X-го вѣка уже начинающіе исключительно господствовать, крестные камни, сначала преимущественно также символическіе, впоследствии въ значительной степени декоративные узорчатые крестные камни. Мы можемъ говорить о IX-мъ вѣкѣ, какъ о времени рельефа, если вѣрно наше наблюденіе о реставраціи, и если въ скульптурѣ имѣемъ лишь воспроизведеніе древней работы. Къ этому, слѣдовательно, времени можно бы отнести и всю ту работу, которой мы обязаны появленіемъ верхней части церкви, начиная съ капителей пилястровъ.

Ланцетки, лепестки, виноградныя листья съ побѣгами и пальметки или аканты въ это время продолжали еще господствовать въ декоративной рѣзбѣ армянской церковной архитектуры, и присутствіе ихъ на нашей церкви вполне естественно, тѣмъ болѣе, если возобновители задались мыслью, какъ это видно, возстановить древній видъ церкви. Объ этомъ стремленіи достаточно краснорѣчиво говорить то, что реставраторы воздержались отъ великаго соблазна,

искушавшаго въ Арменіи всѣхъ строителей съ VII-го вѣка: снабдить церковь куполомъ. Недоумѣніе можетъ вызвать чрезмѣрная стилизація растительнаго орнамента, перерожденіе ростковъ въ виноградной лозѣ въ геометрической рисункъ, но это встрѣчаемъ уже на нижней части храма, древнѣйшей. А въ этой части и другія детали могутъ вызвать недоумѣнные вопросы, прежде всего появленіе внутри церкви рельефныхъ изображеній четырехъ паръ живыхъ существъ, быковъ, орловъ, львовъ или барсовъ и человѣка, и ихъ оригинальное расположеніе на одной сторонѣ. Въ самой рѣзбѣ, особенно въ отдѣлкѣ орловъ, отмѣченъ архаическій характеръ работы. Свободное размѣщеніе символическихъ изображеній, внѣ шаблона, само по себѣ не представляетъ необъяснимаго явленія.

Попарно изображенные символы евангелистовъ, расположенные на правой сторонѣ, можно бы использовать какъ доказательство возникновенія всѣхъ этихъ рельефовъ впервые какъ христіанскихъ: справа при входѣ въ южную дверь орелъ и телець, слѣва—левъ и человѣкъ. Однако, этими четырьмя фигурами живыхъ существъ не исчерпывается звѣриная декоративная обстановка зданія. Мы уже говорили о части пилястра изъ чернаго камня, слѣдовательно, изъ матеріала первоначальной части Дворцовой церкви, на которой имѣется рельефъ льва, дошедшій до насъ съ отбитой головой. Гдѣ бы мы ни нашли ему мѣсто, у западной ли двери, какъ я продолжаю думать, или въ западныхъ углахъ, до ремонта 1912-го года представлявшихъ картину полного разрушенія, очевидно, въ соотвѣтствіе этому откопанному фрагменту, части пилястра со львомъ, имѣлась и другая декоративная подробность, часть другого пилястра со львомъ или инымъ звѣремъ. Слѣдовательно, звѣриная орнаментация зданія, присущая первоначальному его виду, не ограничивалась четырьмя символическими фигурами христіанской церкви; затѣмъ, слѣва отъ южной двери, дѣйствительно, изображены левъ и человѣкъ, но справа не орелъ и телець, а пара орловъ и быки, собственно, бычьи головы; кромѣ того, орелъ представленъ парно не въ тождественно повторномъ видѣ, а въ роли хищника, различно расправляющагося съ жертвой, сюжетъ отнюдь не подходящій для христіанской символики и особенно для представленія евангелиста Матѳея. Орелъ съ жертвой въ когтяхъ—обычная группа въ декоративной рѣзбѣ армянъ, въ частности и анійскихъ памятникахъ, даже XIII-го вѣка¹.

Это такое же переживаніе геральдической символики феодальной и болѣе древней, еще родовой Арменіи, какъ бычья голова съ драконами, украшавшая рядъ башенъ анійскихъ городскихъ стѣнъ. Для столь древнихъ эпохъ, когда

¹ Городскія стѣны у калитки въ Игадзорѣ, равно крестный камень изъ раскопокъ 1892-го года; на послѣднемъ орелъ съ дракономъ, см. Н. Марръ, *Раскопки въ Арм. въ 1904 году* (Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи, вып. 18, стр. 16, рис. 6).

подобныя изображенія орловъ, львовъ и др., группами или въ одиночку, могли создаваться съ опредѣленно геральдическимъ значеніемъ, мы съ трудомъ можемъ привести для свидѣтельства одно, другое литературное показаніе, какъ, напр., извѣстное мѣсто историка Фауста о родовыхъ значкахъ армянскихъ князей съ изображеніями птицъ¹. Ни тканей того времени, на которыхъ тѣ же мотивы могли быть использованы декоративно, ни иныхъ вещественныхъ памятниковъ не сохранилось. Въ частности бычья голова, появляющаяся на первомъ отъ алтаря пилястрѣ, могла служить знакомъ князей, носившихъ фамилію „Бычеголовой“, т. е. Камсаракановъ, отъ перс. Kav-sar. Конечно, принятію нашихъ рельефовъ за евангельскія символическія изображенія не могутъ безусловно препятствовать своеобразныя подробности отдѣльныхъ фигуръ: онѣ дѣйствительно могли быть раздѣланы по излюбленнымъ сроднымъ формамъ мѣстнаго архаическаго искусства, обслуживавшаго вкусъ древнихъ армянскихъ феодаловъ. Что касается размѣщенія евангельскихъ символическихъ изображеній внѣ шаблона, оно могло бы свидѣтельствовать о древней творческой эпохѣ строительнаго искусства въ христіанской Арменіи, а нѣкоторыя новшества, такъ, въ частности стилизація, особенно выступающая въ орнаментованныхъ коихъ, могли быть введены при воспроизведеніи древнихъ оригиналовъ, какъ новыя приемы декоративной рѣзбы, если будетъ признано, что и эти подробности на нижнихъ, первоначальныхъ частяхъ зданія, реставрированы. Но, при всемъ томъ, трудно избѣгнуть вопроса, естественно рождающагося изъ исторіи строительства въ вышгородѣ и, при положительномъ отвѣтѣ, способнаго дать реальную основу для истолкованія особенностей занимающихъ насъ рельефовъ: не имѣемъ ли въ пилястрахъ остатки древняго княжескаго дворца, до-Багратидскаго, развалины котораго, въ такомъ случаѣ, были использованы строителемъ церкви для своей постройки? Когда былъ распланированъ Багратидскій дворецъ, относящійся къ X—XI-му вѣку, церковь наша, уже давно выстроенная, была включена въ его предѣлы. Но древній Багратидскій дворецъ² не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ. Онъ еще до разрушенія сельджуками въ 1064-мъ году успѣлъ расширяться, благодаря постепенно нараставшимъ постройкамъ какъ самихъ Багратидовъ, такъ и грековъ. О болѣе позднихъ приращеніяхъ можемъ и не говорить сейчасъ. Но есть основаніе утверждать, что въ Багратидскомъ дворцѣ имѣются переживанія строительства князей Камсаракановъ, хозяевъ крѣпости вплоть до VIII-го вѣка. И, если по націонализаціи христіанства въ Арменіи и вовлеченіи армянскихъ феодаловъ въ христіанское строительство, князья Камсараканы были

¹ III, 2 (Изд. К. Патканова, стр. 56—57).

² ПАИ, I, стр. 8, рис. 1.

ревнителями сооруже́нія христіанскихъ храмовъ, соперничавшихъ, какъ говоритъ одинъ изъ армянскихъ историковъ, въ великолѣпіи съ дворцами и способны были хоромы свои обращать въ церкви, то при до-христіанскомъ настроеніи они столь же рьяно должны были воздвигать инныя молебни и сооружать себѣ дворцы. И можно ли себѣ представить, что эти великіе строители Ширавской земли не строились именно въ своемъ орлиномъ гнѣздѣ—въ Ани, не имѣли въ немъ жилого дома, княжескаго дворца? И не слѣдуетъ ли часть Камсаракановскаго дворца въ крѣпости Ани, или, въ крайнемъ случаѣ, слѣды его нѣкоторыхъ подробностей искать въ Дворцовой церкви.

Зданіе было возведено на самомъ краю того вѣнца съ отвѣтными сторонами изъ черныхъ скалъ, который завершаетъ вышгородъ. Съ теченіемъ времени скалы подь самымъ восточнымъ фасадомъ церкви стали осыпаться, угрожая ей разрушеніемъ. Раскопки обнаружили, что осыпавшіяся природныя скалы укрѣплялись контрфорсами, въ видѣ плотно пригнанной къ нимъ кладки стѣнъ, притомъ въ нѣсколько слоевъ¹, но это не спасло алтарную абсиду отъ паденія внизъ. Эта часть свалилась. Здѣсь было открыто, и пока оставлено по близости, много кусковъ карниза съ ланцетками изъ краснаго камня, сказать кстати, изъ того же камня съ желтыми пемзовыми ступками, изъ какого сдѣлана была плита, находившаяся, по предположенію Я. И. Смирнова, надъ пролетомъ южной двери (см. выше, стр. 29 сл.): ланцетки то въ два ряда, то въ одинъ, то по четыре, діагонально разставленныя (такъ что получаются розетки, расположенныя въ рядѣ), то попарно. Затѣмъ части пилястровъ изъ чернаго камня, часть отъ края сѣверной ниши съ „разцвѣтшимъ жезломъ“, правый край подковы южной ниши изъ краснаго камня опять съ желтыми пемзовыми массами въ составѣ, изъ того же камня, слабо выступающая подкова съ кругомъ подь нею (возможно, отъ окна) и т. д.

Надписи.

Здѣсь же, почти подь самымъ обрывомъ былъ открытъ камень съ надписью о построеніи церкви. Надпись о построеніи находится и на южной стѣнѣ церкви²; эта надпись представляла недоговоренность, которую откопанный экземпляръ (повидимому, копія первой, при томъ явно не доконченная) лишь усилилъ, но всетаки онъ помогъ, такъ сказать, поставить ее на мѣсто. Текстъ надписи на южной стѣнѣ въ ея ореографическомъ облигѣ гласитъ: *Արհարակի վարդապետ շինեցի զեկեղեցին ի Թուսկանու թեան հա...* „Я, вардапетъ Абисоломъ, построилъ сію церковь въ лѣточисленія ар(мянскаго)..."

¹ ПАИ, I, табл. XVII, рис. 7.

² Подробности см. I. Орбели, Двѣ надписи Дворцовой церкви въ Ани, 4-я записка въ работѣ *Шесть армянскихъ надписей VII—X вв.* (XV, II, Петроградъ 1914, стр. 81—82).

Двѣ послѣднія буквы, начало слова *Հայկոց* армянъ по роковому стеченію имѣютъ числовое значеніе „71“. Эта дата иногда признавалась, и тогда временемъ построенія церкви, при армянской эрѣ 551, исчислялся 622-й годъ; это однако приходилось дѣлать съ различными оговорками, если не съ болѣею натяжкою, такъ какъ цѣлый рядъ общихъ положеній мѣшалъ въ спорныхъ двухъ буквахъ признать число¹. Откопанная вновь надпись опять въ ея орфографическомъ обликѣ гласитъ: *Ես Ըրհողով վարդապետ ծառայ ւնայ ւնայ որ շինեցի սուրբ զէկեզեցիս զայս*... „Я, рабъ Божій вардапетъ Абисоломъ, который построилъ сію церковь...“

Здѣсь спорная часть совершенно отпала, но особенности ея письма дали основаніе для палеографической переоцѣнки основной надписи, и послѣдній ея изслѣдователь, І. А. Орбели, счелъ съ своей стороны необходимымъ признать болѣе вѣроятной датой обѣихъ надписей X—XI в. Данныхъ для новаго пересмотра вопроса нѣтъ. Но разъ основная, казалось бы, надпись по существу оказывается одновременной съ той, которая, если не ошибаюсь, представляется кошіею и, слѣдовательно, палеографически ей равноцѣнной, то время этихъ свидѣтельницъ имѣетъ значеніе лишь *post quam non*, если признать его безспорно установленнымъ. Но безграмотность обѣихъ надписей, лишь усиливающаяся во второй, представляетъ значительное затрудненіе для ихъ отнесенія и въ X-й или XI-й вѣкъ. Въ такомъ случаѣ надпись теряетъ для нашего вопроса о церкви значеніе свидѣтеля-современника, поскольку рѣчь можетъ идти не только о древнемъ строительствѣ на мѣстѣ, но и о предполагаемой первой реставраціи-постройкѣ. Самое имя вардапета Абисоломъ или Авесоломъ, чрезвычайно рѣдкое среди древнихъ армянъ, вообще въ національно армянскихъ церковныхъ кругахъ, направляетъ нашу мысль къ XIII-му—XIV-му вѣкамъ. И болѣе вѣроятно, что вардапету Абисолому принадлежитъ строительство, выразившееся въ реставраціи разрушеннаго послѣ разгрома монголами храма и въ росписи церкви, а также, быть можетъ, и въ сооруженіи тѣхъ прекрасныхъ пристроекъ съ сѣвера, которыя относятся къ этой именно эпохѣ. Трудно себѣ представить, чтобы какой либо вардапетъ въ X—XI вѣкѣ, т. е. въ вѣкѣ разцвѣта Багратидскаго царства въ Ани, считалъ себя на столько полноправнымъ хозяиномъ въ вышгородѣ, мѣстѣ расположенія дворца, что, возведя въ его предѣлахъ столь монументальную церковь, или обновивъ ея, обошелся безъ упоминанія на первомъ мѣстѣ имени современнаго властителя Багратида. Кстати, этого требовала бы самая формула строительныхъ надписей.

¹ ПАИ, I, табл. XVI, рис. 5.

Текст надписи страдает в обоих списках и отсутствием названия церкви. В Вышгородѣ известны развалины шести церквей, но не по названиямъ святыхъ, въ честь которыхъ онѣ были построены. Одна изъ нихъ съ оградой представляетъ собою монастырскую¹; она была посвящена Иоанну Крестителю, судя по рукописи Императорской Академіи Наукъ², въ записи которой отъ 1041-го (арм. 490-го) года сказано, что „рукопись написана рукою инока Егбайрика подъ сѣнью церкви св. Иоанна въ городѣ Ани въ сей крѣпости, называемой внутренней“. Алишанъ сообщаетъ, что изъ двухъ церквей на южномъ скатѣ Вышгорода³ нѣкоторые по преданію называютъ одну церковью св. Георгія, другую — церковью св. Саргиса⁴. Если преданіе это вѣрно, то именно въ Дворцовой церкви у насъ есть основаніе искать церковь св. Саргиса (Сергія) и, быть можетъ, также св. Георгія, если не св. Феодора: этимъ основаніемъ является рельефъ на тимпанѣ сѣверной ея двери. Посвященіе нашей церкви св. Саргису говорить, если не о времени владѣнія Ани князьями Камсараканами, то объ ихъ традиціяхъ: одному изъ князей Камсаракановъ, Сахаку, принадлежитъ постройка на рубежѣ V-го—VI-го вѣка въ Текорѣ мартирія св. Саргиса.

Кругомъ Дворцовой церкви разбросано много подробностей ея самой или ея пристроекъ. Съ запада часть тимпана съ крестомъ въ рамкѣ изъ полувалика: рамка со стрѣльчатымъ верхомъ; крестъ съ виноградными гроздьями, свѣшивающимися съ боковъ верхняго крыла, съ гранатами у концовъ боковыхъ крыльевъ, такъ по крайней мѣрѣ на сохранившемся лѣвомъ крылѣ и съ маленькой нишей со стрѣльчатымъ верхомъ (внизу слѣва).

Раскопки, не доведенныя еще до конца, вскроютъ не одну еще подробность, притомъ не повторную, а новую. И тогда, при намѣтившейся исторіи жизни церкви получится возможность для изданія памятника во всей его полнотѣ, въ послѣдовательномъ его развитіи, причемъ, однако, и тогда не обойтись безъ проектовъ реконструкціи на основаніи матеріаловъ, иногда выполняемыхъ воображеніемъ.

Наше изданіе, первый выпускъ „Памятниковъ армянскаго искусства“, представляетъ Дворцовую церковь, какъ она есть, и предлагается зрителю безъ историческихъ перспективъ доступныхъ въ первый моментъ наблюденію формъ.

¹ Общій планъ городища Ани № 114, см. I. Орбели, *Краткій путеводитель по городищу Ани* (А С, IV, СПб. 1910).

² Рукопись Азіатскаго Музея.

³ Общій планъ, №№ 110, 112.

⁴ *Հիրահ*, стр. 58.

I. Анійская серия. Цѣна рубль.

1. Н. Марръ. Краткій каталогъ Анійскаго Музея (съ 11 рис.). СПБ. 1906. Համառոտ ցուցակ Անիյ Հնարարանի (11 նկար). Ա.-Պ. ԹԶԺԵ. Ը. 40 Կ. (Распродано).
2. Н. Марръ. Реестръ предметовъ древности изъ VI-й (1907 г.) археологической кампаніи въ Ани (съ 10 рис.). СПБ. 1908. Ը. 40 Կ.
3. І. Орбели. Каталогъ Анійскаго музея древностей. Вып. І. Описаніе предметовъ перваго отдѣленія (съ 26 рис. въ текстѣ и 1 табл.). СПБ. 1910. Ը. 1 ր.
4. І. Орбели. Краткій путеводитель по городищу Ани (съ планомъ). СПБ. 1910. Ը. 40 Կ.
5. В. Бартольдъ. Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче. СПБ. 1911. Ը. 40 Կ.
6. М. Ростовцевъ. Апаранская греческая надпись царя Тиридата (съ 1 табл.) СПБ. 1911. Ը. 40 Կ.
7. В. Бенешевичъ. Анійскія надписи XI вѣка, изъ эпохи византійскаго владычества (печатается).

II. Памятники армянской эпитафии.

1. Надписи Мармашена. Собралъ и приготовилъ къ печати І. Орбели. Съ 3 автот. табл. Петроградъ. 1914. Ը. 50 Կ.
2. Надписи Мрена. Собралъ и приготовилъ къ печати І. Орбели (печатается).

III. Памятники армянскаго искусства.

1. Ани. Дворцовая церковь. Подъ редакціей академика Н. Я. Марра, по обмѣрамъ художника Н. Г. Буніатова. Петроградъ. 1915. Ը. 5 ր. 50 Կ.
2. Ширакаванъ. Храмъ царя Сымбата (готовится къ печати).

IV. Анійскія древности.

1. Н. Марръ. Описаніе Дворцовой церкви въ Ани. Петроградъ. 1916.

Цѣна 2 руб.

582

ქართული
ბიბლიოთეკა

f - 24498

